

- [Толкиен Джон Рональд Руэл](#)
    - [Фермер Джайлс из Хэма,](#)
    - [КОММЕНТАРИИ](#)
-

Толкиен Джон Рональд Руэл
Фермер Джайлс из Хэма

Фермер Джайлс из Хэма, или, на простонародном языке, Возвышенные и удивительные приключения фермера Джайлса, Господина Ручного Ящера, графа ящерного и короля Малого Королевства

ПРЕДИСЛОВИЕ

До наших дней дошли всего лишь немногочисленные отрывочные сведения об истории Малого Королевства; но, по чистой случайности, сохранились данные относительно его происхождения: вероятно, они скорее легендарные, чем достоверные, ибо эти данные, очевидно, представляют собой более позднюю компиляцию, изобилующую чудесами. Источник этой компиляции следует искать не в достоверных документах, но в народных песнях, на которые часто ссылается автор. Для него события, о которых он повествует, происходят в далеком прошлом, - тем не менее можно подумать, что он сам жил на территории Малого Королевства. Он проявляет точное знание географии (хотя эта наука не является его сильной стороной), касающееся только данной страны, и в то же время оказывается в полном неведении относительно земель, лежащих к северу или западу от нее.

Оправданием для перевода этой любопытной истории с весьма скудной латыни на современный язык Соединенного Королевства может служить то обстоятельство, что она дает некоторое представление о жизни Британии в темный период ее истории, не говоря уже о том, что она проливает свет на происхождение некоторых труднообъяснимых названий данной местности. Возможно, некоторые читатели найдут, что характер и приключения главного героя интересны сами по себе.

Границы Малого Королевства как во времени, так и в пространстве нелегко определить по тем скудным сведениям, которыми мы располагаем.

С тех пор, как в Британии высадился Брут (*), здесь сменилось много королей и царств. Разделение на Локрин, Камбр и Альбанак (*) было только первым из многих последующих переделов. Так что из-за пристрастия мелких государств к независимости, с одной стороны, и стремление королей расширять свои владения, с другой, многие годы проходили в частой смене войны и мира, радостей и горестей, - именно так рассказывают нам историки о царствовании короля Артура (*). Это было время неуставленных границ, когда люди имели возможность внезапно возвыситься или пасть, а менестрели располагали весьма богатым материалом для своих песен и полной энтузиазма аудиторией. Вот к этим-то давним годам, вероятно после царствования короля Коля (*), но до короля Артура и семи английских королевств (*), нам следует отнести события, изложенные здесь; местом же действия является долина Темзы с экскурсом к северо-западу, к пределам Уэльса.

Столица Малого Королевства, очевидно, находилась, как и наша, в юго-восточной части, но протяженность его рубежей мы представляем себе смутно. Вероятно, они никогда не простирались далеко ни к западу по верхнему течению Темзы, ни к северу от Отмура; нельзя с уверенностью определить и восточную границу. В дошедших до нас отрывках легенды о Джордже, сыне Джайлса, и о его паже Суоветавридиусе (*) (он же Суэт) имеются указания на то, что одно время аванпост против Среднего Королевства находился в Фартингоу. Но эта подробность не имеет никакого отношения к нашей истории, которая далее и предлагается читателю без изменений и без дальнейшего комментария, хотя пышный заголовок оригинала для удобства сокращен до простого: "фермер Джайлс из Хэма".

* * *

Жил в средней части острова Британия человек, которого звали Эгидиус из Хэммо. Полностью его имя звучало так: Эгидиус Агенобарбус Юлиус Агрикола (*) де Хэммо. Ведь в те давно прошедшие времена именами людей наделяли щедро, а остров еще был благополучно разделен на множество королевств. Время тогда тянулось медленно, а людей было меньше, поэтому большинство из них было чем-нибудь примечательно. Однако те годы давно миновали, и я в моем повествовании буду называть этого человека коротко, фермер Джайлс из Хэма, и была у него рыжая борода. Жил он в деревне, но в те времена деревни еще сохраняли свою независимость, а их жители были люди гордые.

Была у фермера Джайлса собака. Звали ее Гарм. Собакам приходилось довольствоваться короткими именами, взятыми из местных наречий: книжную латынь приберегали для благородных. Гарм не владел даже вульгарной латынью, зато, как и большинство собак того времени, он умел пользоваться грубым простонародным языком, чтобы задираться и хвастаться и подольщаться. Задирал он нищих и прохожих, которым случалось забрести на чужую землю; хвастал перед другими собаками, а подольщался и подлизывался к своему хозяину. Гарм гордился Джайлсом и в то же время боялся его: ведь фермер умел задираться и хвастать еще почище.

Время тогда текло без всякой спешки или суеты. Ведь суета к делу не имеет никакого отношения. Люди спокойно делали свое дело, они успевали и потрудиться, и потолковать. А потолковать тогда было о чем, потому что памятные события случались часто. Но к моменту начала этой истории в Хэме давно уже не происходило никаких памятных событий. И это вполне устраивало фермера Джайлса: человек он был медлительный, поглощенный своими делами, привычки его давно устоялись. По его словам, у него был хлопот полон рот, он постоянно заботился о хлебе насущном, а вернее, о собственном удобстве и благополучии, как до него его отец. Гарм помогал хозяину. Никто из них не думал о том большом мире, который простирался за их землями, за деревней и за ближайшим рынком.

А этот большой мир существовал. Неподалеку от деревни находился лес, а к западу и к северу располагались дикие горы и гибельные болота горной страны. Там происходило много удивительного, например разгуливали великаны, грубые, неотесанные, а порой и опасные. Особенно один, который был больше и глупее остальных. Я не нашел в исторических хрониках его имени, но это не важно. Был он громадный, разгуливал тяжелой поступью и всегда носил палку величиной с дерево. Вязы, попадавшиеся ему на пути, он приминал, точно высокую траву, дороги он разрушал, сады опустошал: ведь его ножищи протапывали ямы, глубокие, как колодцы. Наступит нечаянно на какой-нибудь дом - тут и дому конец. Куда бы он ни шел, он сокрушал все на своем пути, потому что голова его возвышалась над всеми крышами и ничуть не заботилась о том, что творят ноги. Кроме того, он страдал близорукостью и был туг на ухо. К счастью, жил он далеко, в диком краю, и лишь случайно забредал в населенные людьми земли. Далеко в горах стоял его полуразрушенный дом, но мало кто дружил с великаном - по причине его глухоты и глупости, да и великанов кругом было мало. Он имел обыкновение разгуливать сам по себе в диких

горах и в безлюдных районах у их подножий.

Однажды в погожий летний денек этот великан вышел погулять. Он бесцельно бродил, производя в лесах великие разрушения. Вдруг он заметил, что солнце уже садится - значит, приближается время ужина. Тут-то он и обнаружил, что заблудился и попал в совершенно незнакомую местность. Он все шел и шел неведомо куда, пока совсем не стемнело. Тогда он присел и стал ждать, когда взойдет луна. Затем пошел дальше при лунном свете - большими шагами, потому что хотел скорее попасть домой. Там у него на огне был оставлен лучший медный котел, и великан боялся, что дно прогорит. Но горы остались позади, и он вступил в населенные людьми земли. Он бродил теперь в окрестностях фермы Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса агриколы возле деревни, в просторечии называвшейся Хэм.

Ночь выдалась ясная. Коровы паслись в поле, а пес фермера убежал по своим делам. Гарм любил лунный свет и кроликов. У него, разумеется, и в мыслях не было, что великан тоже вышел на прогулку. Тогда он, конечно, имел бы основание уйти со двора без разрешения, но еще больше оснований у него было бы остаться дома и притаиться на кухне. Великан вступил на поле фермера Джайлса около двух часов ночи. Он сломал изгородь, стал топтать посевы и мять скошенную траву. За пять минут он навредил больше, чем королевская охота за пять дней.

Гарм услышал чью-то тяжелую поступь на берегу: топ... Топ... Топ, - и помчался к западному склону пригорка, на котором стоял дом: он хотел узнать, что происходит. Вдруг он заметил великана, который шагал прямо через реку и наступил ногой на Галатею, любимую Джайлсову корову. Корова расплющилась, точно черный таракан под ногой фермера. Для Гарма это было уже слишком. Он взвыл от ужаса и стремглав бросился домой. Он даже позабыл, что бегал гулять без разрешения: примчался под окно хозяйской спальни, завыл и залаял. Ему долго не отвечали: не так-то легко было разбудить фермера Джайлса.

- Караул! Караул! - лаял Гарм.

Окно вдруг распахнулось, и оттуда вылетела пустая бутылка.

- У-у-у! - пес привычно увернулся. - Караул! Караул!

Тут из окна высунулась голова фермера:

- Проклятый пес! Ты что это вытворяешь?

- Ничего, - ответил Гарм.

- Я тебе покажу - ничего! погоди, вот я утром шкуру с тебя спущу! - пригрозил фермер, захлопывая окно.

- Караул! Караул! - не унимался пес.

Джайлс снова высунулся из окна.

- Будешь еще шуметь - убью! - пообещал он. - Что это с тобой приключилось, дурак ты этакий?

- Со мной-то ничего, - отвечал пес, - а вот с тобой кое-что приключилось.

- Ты это о чем? - Джайлс несколько опешил, несмотря на всю свою ярость: никогда прежде Гарм с ним так дерзко не разговаривал.

- Великан по твоим полям бродит, громадный великан, прямо сюда идет, - сообщил пес. - Караул! Овец твоих топчет. На бедняжку Галатею наступил, и теперь она плоская, как коврик у двери. Караул! Все твои изгороди сокрушил и вытоптал твой урожай. Поживей - и смелей, хозяин, иначе у тебя ничего не останется! Кара-у-у-ул! - Гарм завыл.

- Заткнись! - фермер захлопнул окно. - Господи боже! - сказал он про себя, весь дрожа, хотя ночь выдалась теплая.

- Ложись-ка снова спать, не будь дурнем, - посоветовала жена. - А утром утопи ты эту собаку. Собака лает - ветер носит, они что угодно наговорят, когда попадутся на бродяжничестве или на воровстве.

- Может, и так, Агата, - сказал он, - а может, и не так. Но что-то в поле действительно происходит, если Гарм собака, а не кролик. Очень уж он перепугался. С чего бы ему явиться сюда и поднять шум, ведь он мог тихонько прошмыгнуть через заднюю дверь, а утром получил бы свое молоко!

- Не трать времени на споры, - посоветовала жена. - Раз уж веришь псу, так выполняй его совет: поживей, да смелее!

- Сказать-то легче, чем сделать, - поежился фермер. Ведь он не совсем поверил Гарму. Не очень хотелось верить в великанов среди ночи.

Но собственность есть собственность; и фермер Джайлс не особенно церемонился с теми немногими бродягами, которые забредали с его владения. Он натянул штаны, пошел на кухню и снял со стены мушкетон (*). Вы, может, спросите, что это такое. Говорят, именно такой вопрос однажды задали четверым ученым клирикам из Оксенфорда (*), и они, немного подумав, ответили: "мушкетон - это короткоствольное ружье с широким раструбом, стреляет на небольшом расстоянии сразу несколькими пулями; из такого ружья можно попасть не особенно тщательно прицеливаясь. (Ныне в цивилизованных странах вытеснен другими видами огнестрельного оружия.)"

Как бы то ни было, мушкетон фермера Джайлса действительно заканчивался широким раструбом, наподобие рога, а стрелял он не пулями, но всем, чем его не заряжали. Однако мушкетон не поразил еще ни одной

цели, потому что фермер заряжал его редко, а уж затвор и вовсе никогда не спускал. Страна это не была еще цивилизованная, и пока ничто не вытеснило мушкетона: только этот вид огнестрельного оружия там и имелся, да и то попадался редко. Люди предпочитали лук со стрелами, а порох чаще использовался для фейерверков.

Итак, фермер Джайлс снял со стены мушкетон и зарядил его порохом на тот случай, если понадобятся крайние меры, а в широкий конец напихал гвоздей, обрывков проволоки, глиняных черепков, костей, камешков и прочее. Потом натянул высокие сапоги, куртку - и вышел через огород.

Луна висела низко-низко, он видел только длинные черные тени кустов и деревьев, но слышал ужасный топот. Топ... Топ... Топ - доносилось со склона пригорка. Что бы ни говорила Агата, не хотелось ему действовать ни живей, ни смелей, но о своей собственности он тревожился гораздо больше, чем о своей шкуре. И вот, чувствуя странную пустоту в желудке, он направился к вершине пригорка.

Тут над пригорком показалось лицо великана, бледное в лунном свете, мерцающем в его огромных круглых глазах. Ноги его были еще далеко внизу, вытаптывая поля на склоне. Лунный свет бил великану в глаза, и он не замечал фермера, зато фермер Джайлс прекрасно его разглядел и перепугался до полусмерти. Не долго думая, он дернул затвор - и мушкетон с оглушительным треском разрядился. К счастью, он был более или менее нацелен в безобразное лицо великана. Вылетело все, чем фермер набил ствол: камешки, кости, черепки, обрывки проволоки, гвозди. Поскольку расстояние в самом деле было небольшим, то случайно, а не по воле фермера, много чего попало прямо в великана: один черепок угодил ему в глаз, а большой гвоздь проткнул нос.

- Проклятие! - воскликнул великан со свойственной ему грубостью. - Меня кто-то ужалил!

Выстрела он не услышал (он же был глухой!), а вот гвоздь ему не понравился. Давно уже ни одно насекомое не могло прокусить его толстую кожу, но он слышал, что где-то на востоке, на болотах, водятся стрекозы, которые кусаются, точно клещи.

- Гнилая здесь местность, это точно, - сказал он. - Не пойду я сегодня дальше.

Он подобрал парочку овец, чтобы съесть их дома, и отправился назад через реку, огромными шагами двигаясь к западу. Теперь он нашел дорогу домой, но дно котла совсем прогорело.

А фермер Джайлс, которого выстрел опрокинул на землю, лежал на спине, глядя в небо, и ждал, что великан, проходя мимо, наступит на него.

Но ничего подобного не случилось, и он услышал, как топот замирает вдали:

топ...

Топ...

Топ.

Тогда он поднялся, потер плечо и подобрал мушкетон. И вдруг услышал крики толпы, которая его приветствовала.

Оказалось, что большая часть населения Хэма смотрела в окна, а некоторые оделись и вышли (после того, как великан удалился). Теперь они с криками взбегали на пригорок.

Как только жители деревни услышали ужасный топот великана, многие тут же поплотнее закутались в одеяла, а кое-кто залез под кровать. Но Гарм и гордился своим хозяином, и боялся его. Он считал, что хозяин в гневе и ужасен, и великолепен, и был убежден, что великан подумает то же самое. И когда он увидел, что Джайлс выходит из дому с мушкетом (как правило, это было признаком сильного гнева!), он с лаем помчался по деревне, крича:

- Вставайте! Вставайте! Вставайте! Все выходите и посмотрите, какой великий человек мой хозяин! Сейчас он будет стрелять в великана за нарушение границ. Выходите!

Вершина пригорка была видна почти из всех домов. Когда над ней показалось лицо великана, все перепугались и затаили дыхание. Все думали, что это чересчур, и что Джайлсу с великаном не справиться. Но тут прогремел выстрел, великан вдруг повернулся и зашагал прочь, а люди от изумления и радости громко закричали, приветствуя Джайлса. Гарм лаял так, что едва не оторвалась голова.

- Ура! - кричали все. - Великана проучили! Эгидиус ему показал! Теперь великан помрет - и поделом ему!

Снова все хором закричали "ура". И взяли себе на заметку, что Джайлсов мушкетон и в самом деле стреляет. В деревенских трактирах прежде обсуждали этот вопрос. Теперь же всем стало ясно, и никто больше не осмеливался забредать на землю фермера Джайлса.

Когда опасность миновала, отдельные храбрецы отважились взобраться на пригорок и пожать руку фермеру Джайлсу. Кое-кто - священник, кузнец, мельник и еще два-три значительных лица - похлопали его по спине. Ему это не понравилось (плечо ведь сильно болело), но он счел себя обязанным пригласить их к себе. На кухне все уселись в кружок, пили за его здоровье и громко его расхваливали. Он не скрывал зевоту, но гости не обращали на это внимания, пока не кончилась выпивка. Когда

выпили по второй, а фермер - третью, он окончательно почувствовал себя храбрецом, а когда все выпили по три (а Джайлс - пять или шесть), он почувствовал себя именно таким смельчаком, каковым считал его Гарм. Расстались добрыми друзьями, фермер от души похлопал гостей по спине. Руки у него были большие, красные и сильные, так что он отыгрался.

На другой день он обнаружил, что, чем дальше распространяется слух о его подвиге, тем большим количеством подробностей он обрастает. Джайлс стал значительной фигурой в округе. К середине следующей недели новость дошла до деревень, лежащих за двадцать миль вокруг. Он стал героем округи и находил это чрезвычайно приятным. В ближайший базарный день ему поднесли столько вина, что хоть лодку пускай, и он вернулся домой, распевая старинные песни о героях.

Наконец о событиях прослышал сам король. В те счастливые времена столица этого государства (Среднего Королевства) была расположена примерно в двадцати лигах от Хэма, а при дворе, как правило, не больно обращали внимание на то, что происходит в захолустной провинции. Но столь быстрое изгнание такого вредного великана стоило внимания и некоторой учтивости. И по прошествии надлежащего времени, месяца через три, к празднику Святого Михаила (*), король направил в Хэм послание, начертанное красными чернилами на белом пергаменте. В нем выражалось монаршее удовлетворение поведением "преданного нам подданного, нашего возлюбленного Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы де Хэммо". Подпись была в виде красной кляксы, а ниже придворный писец вывел затейливым подчерком: "я, Август Бонифаций Амброзий Аурелиан, благочестивый и достославный государь, Базилевс и повелитель Среднего Королевства, руку приложил" (*). К посланию была прикреплена большая красная печать, что говорило о несомненной подлинности документа. Большую радость доставил он Джайлсу, им восхищались все соседи, особенно когда обнаружилось, что каждого, кто желает полюбоваться этим документом, фермер охотно приглашал к столу и угощал на славу.

Еще лучше грамоты был присланный вместе с нею подарок. Король пожаловал фермеру пояс и длинный меч. Сказать по правде, сам король этим мечом никогда не пользовался. Он принадлежал королевской семье и с незапамятных времен висел в оружейной. Хранитель королевского оружия не мог сказать, как он туда попал и для чего предназначен. При дворе такие тяжелые мечи без украшений как раз вышли из моды, потому-то король и подумал, что для подарка неотесанному деревенщине он будет в самый раз. Фермер Джайлс был в восторге, а слава его сильно возросла.

Джайлс сильно радовал такой поворот событий. И Гарма тоже. Пса так и не выпороли. Джайлс был, в общем, справедливый человек, в глубине души он отдавал должное Гарму, хотя никогда не говорил об этом вслух. Он все еще награждал собаку нелестными эпитетами и при случае швырял в Гарму тяжелые предметы, зато стал закрывать глаза на его самовольные отлучки. Теперь Гарм свободно бегал по полям. Дела у фермера пошли в гору, счастье ему улыбалось. Осень и начало зимы прошли благополучно. Все шло прекрасно, пока не явился дракон.

Ко времени описываемых событий драконы уже стали редкостью на острове. Вот уже много лет в Среднем Королевстве Августа Бонифация не встречали ни одного дракона. Конечно, к западу и к северу попадались топкие болота и ненаселенные горы, но они находились очень далеко. Некогда в тех местах обитало множество разных драконов, и они делали дальние набеги. Но в те времена Среднее Королевство славилось отвагой королевских рыцарей, и было убито и ранено так много странствующих драконов, что остальные перестали летать в том направлении.

Еще остался обычай подавать королю драконий хвост на рождественский обед (*); ежегодно выбирали рыцаря для охоты на дракона. Предполагалось, что в день Святого Николая он отправлялся на охоту (*), а к рождеству возвращался с драконьим хвостом. Но уже много лет королевский повар готовил к рождеству поддельный драконий хвост: огромный торт из тертого миндаля с чешуей из жженого сахара. Под музыку скрипок и труб избранный рыцарь относил торт в праздничный зал. Поддельный драконий хвост съедали на сладкое после рождественского обеда, и все уверяли (чтобы сделать приятное повару), что на вкус он лучше настоящего.

Так обстояло дело, когда снова появился настоящий дракон. И все из-за того великана. После своего приключения он частенько разгуливал по горам, навещая живущих в разных местах родственников, - гораздо чаще, чем обычно, и много чаще, чем им этого хотелось. Дело в том, что он все пытался одолжить у кого-нибудь большой медный котел. Удавалось ему это или нет, но он усаживался и нескладно и нудно рассказывал о прекрасной стране, лежащей далеко на востоке, и обо всех чудесах большого мира. Он ведь воображал себя великаном и отважным путешественником.

- Прекрасная местность, - говорил он, - земля ровная, почва мягкая, массу еды можно раздобыть: повсюду, знаете ли, коровы да овцы, заметить их легко, если глядеть хорошенько.

- А как насчет людей? - спрашивали его.

- Ни одного я не видел, - отвечал он. - Ни одного рыцаря там не видать

и не слышать, дорогие мои. Только возле реки какие-то мухи водятся - ужасно больно жалятся.

- Что же ты туда не вернешься? - удивлялись родственники. - Там бы и остался!

- Недаром ведь говорится, что лучше всего дома, - отвечал он. - Но я, возможно, туда схожу, если будет настроение. Во всяком случае, я-то уж там побывал - этим ведь не каждый может похвастаться. А вот медный котел...

- Так где же они, эти богатые земли, - поспешно спрашивали у него, - где чудесные поля, изобилующие скотом, который никто не сторожит? Далеко ли?

- Да, к востоку, - отвечал он, - вернее к юго-востоку. Но добираться долго.

И тут же он давал такой преувеличенный отчет о пройденном тогда расстоянии, о преодоленных лесах, горах и лугах, что ни одному великану не хотелось отправляться в путь: ведь ни у кого не было таких длинных ног. Но слухи распространялись.

После теплого лета наступила суровая зима. В горах стояли сильные морозы, с едой стало плохо. Разговоры стали громче. Вспоминали овец и коров, пасущихся на сочных пастбищах. Драконы наострили уши. Они хотели есть, а слухи были заманчивы.

- Значит, рыцари - существа мифические, - рассуждали молодые неопытные драконы. - Мы всегда так и думали.

- Во всяком случае, попадаютс я они, вероятно редко, - рассуждали старые и мудрые, - они далеко, их мало и нечего их бояться.

Особенно подействовали слухи на одного дракона. Звали его Хризофилакс Дайвз (*), так как он принадлежал к древнему царскому роду и был очень богат. Он был хитер, любопытен, жаден, отлично вооружен - и не очень храбр. Однако он ничуть не боялся насекомых любых размеров и видов, кроме того, он был ужасно голоден.

Так что в один прекрасный зимний день, примерно за неделю до рождества, Хризофилакс расправил крылья и пустился в путь. Среди ночи он благополучно приземлился в самом центре королевства Августа Бонифация, государя и повелителя. За короткое время он натворил немало бед, круша и сжигая все на своем пути, пожирая овец, коров и лошадей.

Это происходило далеко от Хэма, но Гарм насмерть перепугался. Он как раз отправился в путешествие, воспользовавшись благосклонностью хозяина, и отважился ночевать далеко от дома. Он шел на привлекающий его запах вдоль лесного оврага и вдруг почуял за поворотом новый и

тревожный запах: оказывается он налетел прямо на хвост Хризофилакса Дайвза, который только что приземлился. Никогда еще ни одна собака не мчалась домой задрав хвост с такой скоростью, как Гарм. Услышав его визг, дракон повернул голову и фыркнул, но Гарм был уже далеко. Он бежал всю ночь и поспел домой только к завтраку.

- Караул! Караул! - затыкал он у задней двери.

Джайлс услышал - и ему это не понравилось. Эти звуки напомнили ему о тех неожиданностях, которые могут случиться, когда все как будто идет хорошо.

- Жена,пусти-ка эту подлую собаку, - приказал он, - и угости ее палкой!

Гарм проковылял на кухню, глаза его сверкали, а язык свешивался набок.

- Караул! - воззвал он.

- Чем это ты занимался на этот раз? - спросил Джайлс, швыряя в него колбасой.

- Ничем, - запыхавшись отвечал Гарм, слишком взволнованный, чтобы воздать должное колбасе.

- Ты мне это прекрати, не то шкуру спущу, - пригрозил Джайлс.

- Ничего я плохого не делал. Ничего дурного не хотел, - заскулил пес. - Только я нечаянно на дракона наткнулся - и он меня напугал.

- На дракона? - фермер даже пивом подавился. - Будь ты проклят, нечего совать свой нос куда не надо! Чего ради ты наткнулся на дракона в такое время года, когда у меня хлопот полон рот? Где хоть он был?

- Да к северу, за холмами, а потом еще дальше, за стоячими камнями, - отвечал пес.

- А, вон как далеко! - у фермера отлегло от сердца. - Слышал я, что там водится нечисть, всякое в тех местах может приключиться. Пусть сами управляют. Не лезь ты ко мне с этими баснями, убирайся вон!

Гарм ушел - и разнес новость по всей деревне. Он не забыл отметить, что его хозяин ничуть не испугался:

- Совершенно спокойно продолжал себе завтракать.

Люди стояли в дверях домов, с удовольствием обсуждали новость:

- Как это напоминает прежние времена! - говорили они. - И рождество на носу. Как раз по сезону. Ну и доволен же будет король! На нынешнем рождестве он сможет полакомиться настоящим хвостом.

На другой день - опять новость. Оказывается этот дракон необыкновенно крупный и свирепый. Люди спрашивали друг у друга:

- А где же королевские рыцари?

Тот же вопрос уже задали другие. Посланцы деревень, более других пострадавших от нашествия Хризофилакса, шли к королю и спрашивали так громко, как только осмеливались:

- Государь, где же ваши рыцари?

Но рыцари ничего не предпринимали: ведь им официально не сообщали о появлении дракона. Так что король в соответствующей форме довел новость до их сведения и просил приступить к необходимым действиям при первой же возможности. Он страшно разгневался, убедившись, что они пока не видят ни малейшей возможности и откладывают действия со дня на день.

Однако оправдания рыцарей звучали вполне убедительно. Прежде всего - королевский повар, имевший привычку все делать заблаговременно, уже приготовил рождественский драконий хвост. Нехорошо было бы его обидеть, принеся в последний момент настоящий. Слуга он был весьма ценный.

- При чем тут хвост? Отрубить ему голову - и дело с концом! - недовольно кричали посланцы деревень.

Но вот наступило рождество, и, к несчастью, на день Святого Джона был назначен большой турнир (*). На него пригласили рыцарей многих королевств, чтобы они сражались за ценный приз. Очевидно, неразумно было бы лишать рыцарей Среднего Королевства возможности испытать себя, отправив лучших бойцов на охоту за драконом до окончания турнира. А после турнира наступил новогодний праздник.

Но каждую ночь дракон все продвигался - и оказывался все ближе к Хэму. Накануне нового года люди увидели вдалеке зарево. Дракон расположился в лесу, всего за десять миль, и лес полыхал веселым пламенем. Дракон ведь был довольно горячим, особенно под настроение.

Тут народ начал поглядывать на фермера Джайлса и шептаться у него за спиной. Ему стало здорово не по себе, но он все делал вид, будто ничего не замечает. На следующий день дракон продвинулся еще на несколько миль. Тогда фермер Джайлс сам заявил вслух, что королевские рыцари оскандалились.

- Хотел бы я знать, как они оправдают свое жалованье, - говорил он.

- Мы тоже хотели бы, - соглашались жители Хэма. А мельник добавил:

- Ведь некоторые и сейчас получают рыцарство за личные заслуги, я слышал. За примером недалеко ходить, наш славный эгидиус - настоящий рыцарь. Разве король не прислал ему письмо, написанное красными буквами и меч?

- Одного меча для рыцарства мало, - поспешно возразил Джайлс. -

Посвятить еще должны, и всякое такое, я так понимаю. А у меня и без того хлопот полон рот.

- Не сомневаюсь, что король тебя посвятит, попросить только, - сказал мельник. - Попросим, пока не поздно!

- Ни в коем случае! - испугался фермер. - Не для меня всякие там эти посвящения. Я фермер и горжусь этим, простой честный человек, а честным людям, я слышал, плохо при дворе находиться. Это вам больше по вкусу, господин мельник!

Священник улыбнулся, но не возражению фермера, ведь Джайлс и мельник слыли кровными врагами и в своих спорах за словом в карман не лезли, как поговаривали в Хэме. Просто священнику кое-что пришло в голову, и мысль эта ему понравилась, но вслух он пока ничего не сказал. Мельник не был так доволен, и он нахмурился.

- Конечно, простой, а может, и честный, - отпарировал он. - Но разве так уж необходимо являться ко двору и быть посвященным в рыцари, чтобы убирать дракона? Кроме храбрости, ничего для этого не требуется, не далее как вчера я слышал, что Эгидиус это утверждал. Несомненно, храбрости у него не меньше, чем у любого рыцаря!

Народ кругом зашумел:

- Конечно! Ура в честь героя Хэма! Ура, ура, ура!

Тогда фермер Джайлс в крайнем смущении отправился домой. Оказывается, местную репутацию нужно поддерживать, а это иной раз нелегко. Он пнул ногой пса и спрятал меч в кухонный буфет. До того меч красовался над очагом.

На следующий день дракон добрался до деревни Кварцетум (по-простонародному - Оукли (*)). Питался он не только овцами и коровами, проглотил не только двух-трех ребятишек, но и священника, который несколько необдуманно пытался убедить его свернуть с пути зла. Тут уж началась ужасная суматоха. Все население Хэма во главе со священником взобралось на пригорок и ожидало фермера Джайлса.

- Мы ждем тебя, - воззвали они, а сами стояли и глядели, пока лицо фермера не запылало ярче его рыжей бороды.

- Когда ты выступаешь? - спросили они.

- Ну, сегодня я уж точно не смогу, - отговаривался он. - Хлопот полон рот, а тут еще работник заболел. Я подумаю.

Все разошлись, а к вечеру поползли слухи, что дракон подобрался еще ближе, и народ вернулся.

- Мы за тобой, мастер Эгидиус, - позвали люди.

- Да вы что, - возразил он, - именно сейчас мне совсем не до того.

Кобыла охромела, и овцы ягнятся. Потом видно будет.

Все опять разошлись, ворча и переглядываясь. Мельник ехидно посмеивался. Священник остался, и от него никак было не избавиться. Он напросился на ужин и все на что-то намекал. Даже спросил, где меч, и настойчиво попросил его показать.

А меч лежал себе на верхней полке буфета, коротковатой для него, и, как только фермер Джайлс взял его в руки, выскочил из ножен, а фермер выронил ножны, будто они обожгли ему руки. Священник так и вскочил, даже пиво опрокинул. Он осторожно поднял меч и попытался снова вложить его в ножны, но меч входил туда всего на какой-нибудь фут, и, как только священник снял руку с рукоятки, он снова выскочил.

- Господи боже! Как странно! - воскликнул священник. Он хорошенько осмотрел и ножны, и клинок. Он ведь был человеком образованным: не то что фермер, который с трудом разбирал заглавные буквы унциального письма (*) и не был уверен, что прочтет правильно собственное имя. Поэтому он не обратил внимания на чудные буквы, которые с трудом можно было разобрать на ножнах и на мече. Хранитель же королевского оружия так привык к рунам, именам и другим символам власти и знатности, начертанным на мечах и ножнах, что не забивал ими голову; кроме того, он считал, что они устарели.

А священник долго их разглядывал и хмурился. Он рассчитывал найти какую-нибудь надпись на мече или на ножнах, именно эта мысль и осенила его накануне, но то, что он сейчас увидел, его поразило: там действительно были начертаны буквы, но он никак не мог разобрать их.

- На ножнах какая-то надпись, а на мече изображены эпитафические знаки (*), - сказал он.

- В самом деле? - удивился Джайлс. - Что же они означают?

- Буквы старинные, а язык варварский, - сказал священник, чтобы выиграть время. - Надо их повнимательней изучить.

Он попросил меч до утра, и фермер с радостью его отдал.

Придя домой, священник снял с полок множество ученых книг и сидел над ними до глубокой ночи. Наутро стало известно, что дракон продвинулся еще ближе. Жители Хэма заперли двери домов на все засовы и закрыли окна ставнями; те же, у кого были погреба, спустились туда и дрожали при свете свечей.

Но священник крадучись вышел из дому и, переходя от двери к двери, рассказывал в щелку или в замочную скважину всем, кто хотел его слушать, об открытии, которое сделал ночью у себя в кабинете.

- Наш добрый Эгидиус, - говорил он, - благодаря милости короля

оказался владельцем знаменитого меча Кодимордакса (*), в романсах на простонародном языке его называют Хвостосеком.

Услышав эти слова, люди открывали двери. Всем была известна слава Хвостосека: ведь этот меч когда-то принадлежал Белломариусу, величайшему в королевстве победителю драконов. Согласно некоторым сведениям, возможно не совсем достоверным, он был прапрадедушкой нынешнего короля по материнской линии. О его подвигах сложили множество песен и легенд, - если их забыли при дворе, то в деревнях помнили прекрасно.

- Этот меч, - объяснял священник, - не лежит в ножнах, если дракон находится в пределах пяти миль. Несомненно он сразит любого дракона, если будет в руках храбреца.

И люди начали собираться с духом, иные даже окна раскрыли и выглянули на улицу. В конце концов, священник убедил несколько человек выйти и следовать за ним, но охотно это сделал один мельник. Он решил - стоит рискнуть, чтобы поглядеть, как попался Джайлс. Люди поднялись на пригорок, бросая беспокойные взгляды на север через реку. За рекой не было ни малейших признаков дракона. Возможно, он спал: он ведь отлично питался все рождественские праздники.

Священник с мельником забарабанили в дверь Джайлса. Ответа не последовало, они забарабанили еще сильнее. Наконец вышел Джайлс. Лицо у него было красное. Он вчера тоже засиделся допоздна и выпил много пива. Утром встал и начал снова.

Все толпой окружили его, называя Добрым Эгидиусом, Храбрым Агенобарбусом, Великим Юлиусом, Стойким Агриколой, гордостью Хэма, героем всей округи. И заговорили о Кодимордаксе, Хвостосеке, мече, не уходящем в ножны, знаменующем победу или смерть, славу йоменов, опору страны и благо народа, и в голове фермера все перепуталось.

- Эй! Давайте по одному, - вставил он, как только получил такую возможность. - Что все это значит? У меня же с утра самая работа.

Разъяснить ситуацию предоставили священнику. Тут мельник, к своей радости, увидел, как Джайлс попался в самый крепкий силочек - крепче и пожелать было нельзя. Но все обернулось не совсем так, как ожидал мельник. Во-первых, Джайлс выпил много пива. Во-вторых, он необыкновенно возгордился и воодушевился, узнав, что его меч и есть самый настоящий Хвостосек. В детстве он очень любил сказки о Белломариусе, и, пока не научился умуразуму, иной раз ему хотелось владеть таким же замечательным героическим мечом. И ему вдруг пришло в голову, что надо взять Хвостосек и отправиться охотиться на дракона. Но

он слишком привык торговаться, так что опять попытался отсрочить это событие.

- Что? - воскликнул он. - Мне охотиться на дракона? Это в моих-то старых гамашах и жилетке? На дракона в хороших доспехах ходят, так я слышал. А в моем доме их нет, это уж точно, - обрадовался он.

С минуту все неловко молчали, потом послали за кузнецом. Кузнец покачал головой. Человек он был медлительный и мрачный, а прозвали его Солнечным Сэмом, хотя настоящее его имя было Фабрициус Кункатор (*). Он никогда не свистел за работой, за исключением тех случаев, когда происходило несчастье, из числа предсказанных им ранее. А так как он без конца только и делал, что предсказывал всякие несчастья, редко могло случиться что-нибудь такое, чего бы он до того не успел предсказать, а потому все, что бы не произошло, предписывали его пророчествам. Для него это была главная радость, поэтому он никогда ничего не делал для предотвращения несчастья. Он снова покачал головой и объявил:

- Из ничего оружия не сделаешь. Да и не по моей это части. Лучше бы попросили плотника изготовить деревянный щит, - да и это мало поможет: дракон горяч.

Лица жителей Хэма вытянулись, но мельник не собирался так легко отступить от своего плана отправить Джайлса на бой с драконом, а если тот все-таки откажется, он мечтал увидеть, как лопнет мыльный пузырь его славы.

- А как насчет кольчуги? - спросил он. - С ней надежней, только чтоб не слишком тонкая была. Она ведь для дела, а не для щегольства при дворе. У тебя найдется старая кожаная куртка, друг Эгидиус? А в кузнице отыщется куча металлических колец. Думаю, мастер Фабрициус и не подозревает, что там могло завалиться.

- Ничего ты не смыслишь, - кузнец повеселел. - Настоящая кольчуга все равно не получится. Нужна ювелирная ловкость гномов, чтобы каждое крошечное колечко соединить с четырьмя другими. Если бы я даже владел таким искусством, пришлось бы трудиться много недель. К тому времени мы все окажемся в могиле, - заключил он, - во всяком случае, в драконьем брюхе.

Жители Хэма в отчаянии заломили руки, кузнец улыбнулся. Но теперь все были в такой панике, что никак не хотели отказаться от плана мельника и повернулся к нему, ища совета.

- Что ж, - сказал тот. - Слышал я, что в старину те, кто не мог купить настоящую кольчугу из южных стран, нашивали стальные кольца на кожаную рубаху (*) - и сходило. Поглядим, что в таком роде можно сделать.

Так что пришлось Джайлсу притащить старую кожаную куртку, а кузнеца заставили живо вернуться в кузницу. Порылись там во всех углах и разворошили кучу старого железа, которую не трогали много лет. В самом низу нашли массу колечек, траченных ржавчиной - очевидно, они остались здесь от забытой когда-то куртки, именно такой, о какой говорил мельник. По мере того как дело оказывалось не таким уж безнадежным, Сэм все больше мрачнел, но его заставили приняться за работу. Он собирал, сортировал и чистил эти кольца; и когда (о чем он радостно сообщил) выяснилось, что их совершенно недостаточно для такого широкоплечего человека, как мастер Эгидиус, кузнеца заставили разбить старые цепи и расплющить звенья в тонкие колечки - насколько хватило мастерства. Колечки помельче нацепили на куртку спереди, а те, что покрупнее и поглубже, укрепили на спине. Колец все прибавлялось, потому что бедный Сэм трудился в поте лица, и тогда жители Хэма нашли кольца еще и на штаны фермера. А высоко на полке в темном уголке кузницы мельник разыскал железный каркас шлема и засадил за работу сапожника, чтобы тот обшил каркас кожей.

Так трудились весь остаток дня и весь следующий день, а после наступления двенадцатой ночи (*) пришел канун крещения, но было не до праздника. Фермер Джайлс выпил по этому случаю больше пива, чем обычно, а дракон милостиво спал. Он совсем позабыл на это время о голоде и о мечях.

Рано утром в день крещения (*) все поднялись на холм, держа в руках диковинный результат своей работы. Джайлс ждал их. Отговорок у него не осталось, пришлось надевать куртку-кольчугу и штаны. Мельник презрительно хихикал. Потом Джайлс натянул болотные сапоги, прикрепил к ним пару шпор и нахлобучил обитый кожей шлем. Но в последний момент прикрыл сверху шлем старой фетровой шляпой, а на кольчугу накинул серый плащ.

- Зачем это, мастер? - спросили люди.

- Ну, - отвечал он, - неужели вы воображаете, что на дракона надо идти звенья и грохоча, точно кентерберийские колокола? (*) мне как-то кажется, что ни к чему оповещать дракона о своем приближении раньше времени. А шлем - это вызов на битву. Пусть ящер видит поверх изгороди только мою старую шляпу, тогда я, может, подберусь поближе, пока не начнется суматоха.

Кольца пришили так, что они звенели, задевая друг о друга. Прижатые плащом, они не звенели, но Джайлс в таком снаряжении выглядел довольно странно, однако ему об этом не сказали. Поверх плаща с трудом нацепили

пояс и привязали ножны, но меч пришлось держать в руках: в ножны его было никак не упрятать, разве что прижать изо всех сил.

Фермер кликнул Гарма. Он был человек справедливый в меру своего разума.

- Пес, - позвал он. - Пойдешь со мной.

- Спасите! Караул! - взвыл пес.

- Перестань! - прикрикнул Джайлс. - Не то вздую тебя не хуже любого дракона! Ты же ящера по запаху знаешь и сможешь на этот раз оказаться полезным.

Потом фермер Джайлс кликнул свою серую кобылу. Она наградила его недовольным взглядом и фыркнула, увидев шпоры, однако дала ему сесть в седло и быстро понесла его вперед, хотя никто из них не испытывал при этом удовольствия. Они проскакали через всю деревню; жители приветствовали их из окон и аплодировали. Фермер и его кобыла старались не показывать виду, что что-то не так, а Гарм стыдиться не умел, он просто плелся за ними, опустив хвост.

Они проскакали через мост над рекой в конце деревни. Когда наконец никто не мог их видеть, они замедлили скорость до шага, и все-таки очень быстро миновали владения фермера Джайлса и других жителей Хэма и оказались в тех местах, которые успел посетить дракон. Кругом были сломанные деревья, сожженные изгороди, почерневшая трава - и зловещая тишина.

Солнце светило вовсю, и фермер Джайлс уже подумывал, не скинуть ли чего из одежды и не хватил ли он лишнюю пинту пива. "Хорошенький конец рождества, - подумал он. - Счастье еще, если жив останусь". Он вытер лицо большим носовым платком - зеленым, а не красным, он слышал, что красный цвет разъяряет драконов.

Но дракона он не обнаружил. Он миновал множество просек, широких и узких, много опустошенных фермерских полей, а дракона все не было. От Гарма, конечно, не было никакого проку: пес трусил за лошадей и вовсе не собирался приносиваться.

Наконец выехали на извилистую дорогу, почти нетронутую, она казалась спокойной и ровной. Проехав по ней с полмили, Джайлс подумал, что, пожалуй, он уже исполнил свой долг и все, к чему его обязывает его репутация. Он решил, что хватит с него, и уже подумывал о том, как вернется и сядет обедать, а друзьям расскажет: дракон только увидел, как он подъезжает, так сразу просто-напросто улетел, - и тут дорога резко повернула. А за поворотом лежал дракон, загородив своей отвратительной мордой самую середину дороги.

- Караул! - тявкнул Гарм и кинулся прочь.

Серая кобыла резко осела, и фермер свалился в канаву. Когда он высунул голову, дракон окончательно проснулся и смотрел прямо на Джайлса.

- Доброе утро, - поздоровался дракон. - Вы, кажется, удивлены?

- Доброе утро, - ответил Джайлс. - Я и в самом деле удивлен.

- Прошу прощения, - сказал дракон. Когда при падении фермера зазвенели кольца, он что-то заподозрил и насторожил уши. - Прошу прощения за такой вопрос, но не меня ли вы случайно ищете?

- Нет, что вы! - заверил фермер. - Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто катался.

Он поспешно выбрался из канавы и направился к своей серой кобыле. Она была уже на ногах и с совершенно безразличным видом щипала траву у обочины дороги.

- Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности, - заметил дракон. - Мне очень приятно. Это что же, ваш праздничный наряд? Новая мода, вероятно?

Фетровая шляпа слетела с фермера Джайлса, а плащ распахнулся, но он решил держаться понахальнее.

- Да, - сказал он, - самая последняя. Но я должен догнать свою собаку, боюсь, что она за кроликами погналась.

- Боюсь, что это не так, - возразил Хризофилакс, облизываясь (он всегда облизывался, когда его что-нибудь забавляло). - Полагаю, она доберется до дому гораздо раньше вас. Но прошу вас, продолжайте ваш путь, мастер - не припомню вашего имени?

- А я вашего, - подхватил Джайлс, - наверно, так оно и лучше.

- Как вам угодно, - Хризофилакс снова облизнулся и притворился, будто закрыл глаза. Сердце у него было злое (как у всех драконов), но не очень смелое (что тоже не так редко встречается). Он предпочитал такие блюда, за которые не приходится сражаться, но после долгого сна аппетит его возрос. Священник из Оукли был довольно поджарым, упитанного человека дракон давненько не пробовал. Вот он и вздумал полакомиться мясом, которое само так и шло ему в рот, он ждал только, чтобы этот дурень ослабил бдительность.

Но дурень был не так глуп, как казалось, он не спускал глаз с дракона, даже взбираясь на лошадь. У нее, однако были совсем иные намерения, и она лягалась, когда Джайлс стал пытаться на нее сесть. Дракон начал проявлять признаки нетерпения и приготовился к прыжку.

- Извините, - сказал он, - вы, кажется, что-то уронили?

Старый трюк сработал: Джайлс и в самом деле кое-что уронил. Падая, он выронил Кодимордакс (а попросту - Хвостосек), и меч лежал на обочине. Джайлс наклонился за ним, а дракон прыгнул. Но Хвостосек оказался проворнее. Едва фермер подобрал его, как он молнией скользнул вперед, прямо к драконьим глазам.

- Эй! - Дракон остановился. - Что это там у вас?

- Да всего-навсего Хвостосек, мне его король подарил, - ответил Джайлс.

- Как я в вас ошибся! - воскликнул дракон. - Прошу прощения. - Он лег перед фермером ниц, тому стало чуть полегче. - А вы нечестно со мной обошлись.

- Разве? - удивился фермер. - А с какой стати я должен был поступать с вами честно?

- Вы скрыли свое славное имя и притворились, будто наша встреча случайна, но ведь вы знатный рыцарь. Прежде в таких случаях рыцари имели обыкновение открыто вызывать на битву, объявив свой титул и полномочия.

- Может, так и было, а может, и нынче так принято, - сказал Джайлс. Он был доволен собой. Можно извинить человека за некоторое самодовольство, если перед ним пресмыкается огромный величественный дракон. - Но ошибка ваша гораздо больше, старый вы ящер. Вовсе я не рыцарь. Я фермер Эгидиус из Хэма и терпеть не могу браконьеров. Мне уже случалось стрелять из мушкетона в великанов, а они куда меньше навредили, чем вы. Их я тоже и не думал вызывать.

Дракон несколько обеспокоился. "Проклятый великан солгал, - подумал он. - Ввел меня в заблуждение. Как же себя вести с таким храбрым фермером, да еще владеющим столь блестящим и воинственным мечом?" Дракон не мог припомнить ни одного подобного прецедента.

- Меня зовут Хризофилакс, - представился он. - Хризофилакс Богатый. Что я могу сделать для вашей милости? - льстиво спросил он, косясь одним глазом на меч и надеясь избежать боя.

- Ты можешь отсюда убраться, рогатый безобразник, - сказал Джайлс, которому тоже хотелось избежать битвы. - Мне нужно только от тебя избавиться. Убирайся в свою грязную берлогу! - он шагнул к дракону, размахивая оружием так, будто ворон пугал.

Хвостосеку это только и было нужно. Сверкнув в воздухе, он описал круг и опустился, поразив дракона в сочленение правого крыла. Удар сильно испугал дракона. Конечно, Джайлсу было неизвестно, как надо убивать драконов, не то меч попал бы в более уязвимое место; но

Хвостосек сделал все, что мог в неопытных руках. Хризофилаксу и этого хватило: он долго не мог пользоваться крыльями. Он вскочил и попробовал взлететь, но убедился, что не в состоянии это сделать. Фермер прыгнул в седло. Дракон побежал, кобыла за ним. Дракон с пыхтением и свистом пересек поле, кобыла не отставала. Фермер кричал и улюлюкал, будто на скачках. При этом он все время размахивал Хвостосеком. Чем быстрее мчался дракон, тем он становился растеряннее, а серая кобыла скакала во весь опор и не отставала от него.

Они скакали сквозь просеки и проломы в изгородях, по полям и ручьям. Дракон изрыгал дым, ревел, - он потерял всякое представление о направлении. Наконец они стремительно вступили на Хэмский мост, с грохотом проскакали по нему и помчались по деревенской улице. Здесь Гарм имел наглость выскочить из переулка и присоединиться к погоне.

Жители прильнули к окнам или вылезли на крыши. Кто смеялся, кто кричал "ура", а кто бил в кастрюли, сковородки и котлы. Некоторые дули в рожки или свистки, а священник велел звонить в колокола. Лет сто в Хэме не было такой суматохи.

Дракон сдался у входа в церковь. Он лег посреди дороги и пытался отдышаться. Подросел Гарм и начал нюхать ему хвост, но Хризофилаксу уже ничуть не было стыдно.

- Люди добрые и храбрый воин, - начал он, едва переведя дух, когда подъехал фермер Джайлс, а жители деревни окружили его (правда, на безопасном расстоянии), вооружаясь кто вилами, кто колом, а кто и кочергой. - Люди добрые, не убивайте меня! Я очень богатый. Возмещу весь ущерб, который вам причинил. Оплачу похороны всех убитых, особенно священника из Оукли, роскошный памятник ему поставлю, хотя покойный и был худоват. Щедро вас вознагражу, если только вы отпустите меня домой за выкупом.

- Сколько? - спросил фермер.

- Ну, - дракон быстро подсчитал в уме. Он заметил, что толпа собралась порядочная. - Тринадцать шиллингов восемь пенсов на каждого?

- Чепуха какая! - фыркнул Джайлс.

- Ну и ерунда! - завопил народ.

- Чушь! - твякнул Гарм.

- Две золотые гинеи каждому, детям полцены?

- А собакам? - уточнил Гарм.

- Даальше! - предложил фермер. - Мы слушаем!

- Десять фунтов и кошелек с серебром на душу, а собакам по золотому ошейнику, - неуверенно предложил Хризофилакс.

- Убить его! - в нетерпении завопил народ.
- Каждому по мешку с золотом, а женщинам - бриллианты? (*)
поспешил вставить Хризофилакс.

- Так-то получше, да не совсем ладно, - заметил Джайлс.
- Опять собак забыл, - пролаял Гарм.
- Какого размера мешок? - поинтересовались жители Хэма.
- Бриллиантов сколько? - спросили их жены.
- Боже, боже, - простонал дракон. - Я же разорюсь!
- Поделом тебе, - сказал Джайлс. - Выбирай - или разоришься, или тебя убьют. На этом самом месте. - Он взмахнул Хвостосеком, дракон так и съежился.

- Решайся! - жители Хэма, смелея, подступали все ближе.

Хризофилакс заморгал, но незаметно для всех рассмеялся в глубине души. Торговля начала его развлекать. Очевидно люди хотели что-то из нее извлечь. Они так мало знали об окружающем мире - ведь ни один житель королевства никогда не имел дела с драконами и не был знаком с их штучками. Постепенно Хризофилакс отдышался и успокоился. Он облизнулся.

- Назовите свою цену, - предложил он.

Тут все разом заговорили, перебивая друг друга. Хризофилакс слушал с интересом. Один только голос ему не понравился - голос кузнеца.

- Ничего хорошего не выйдет, помяните мое слово! - воскликнул кузнец. - Врет он все, не вернется он. Да и в любом случае ничем хорошим это не кончится.

- Можешь от своей доли отказаться, если ты так считаешь, - предложили ему, а сами продолжали рядиться и спорить, не очень-то следя за драконом.

Хризофилакс поднял голову, но, если он и подумывал прыгнуть на кого-нибудь или улизнуть под шумок, то ему пришлось испытать разочарование. Рядом стоял фермер Джайлс, жуя травинку и размышляя. Держа Хвостосек в руке, фермер не сводил глаз с дракона.

- Лежи, где лежишь, - приказал он, - не то получишь, что заслужил, и золото не поможет!

Дракон поник. Наконец священника выбрали говорить от имени всех, он шагнул вперед и встал рядом с Джайлсом.

- Гнусный червяк! - заявил он. - Ты должен принести сюда все свое несправедливое богатство. После того, как ты возместишь убытки всем, кого ограбил, остальное мы поделим по справедливости. Затем, если ты дашь нам торжественную клятву никогда больше не разорять наших земель и не

подстрекать никакое другое чудовище нападать на нас, мы дадим тебе уйти и унести и голову, и хвост. А теперь ты должен поклясться, что вернешься, - такой клятвой, какую даже дракон обязан выполнить.

Хризифилакс правдоподобно изобразил колебание - и согласился. Он даже заплакал горячими слезами над своим богатством и оплакивал его до тех пор, пока на дороге не задымились большие лужи, но его слезы никого не тронули. Он принес самые торжественные и твердые клятвы, что вернется со всем своим достоянием к празднику Святого Хилариуса и Святого Феликса (*). В его распоряжении было восемь дней, - даже самые несведущие в географии могли бы сообразить, что срок для такого путешествия маловат. Тем не менее дракона отпустили и проводили до моста.

- До встречи! - сказал он, переправляясь через реку. - Уверен, что все мы будем ждать ее с нетерпением.

- Уж мы то будем, - сказали люди.

И понятно, поступили неразумно. Клятвы, которые он давал, должны были бы тяжким грузом лечь на его совесть, но - увы! - совести у него не было вовсе. Если эти доверчивые люди в простоте своей не допускали столь досадного недостатка у существа столь высокого происхождения, то уж священник (при его книжной учености) мог бы об этом догадаться. Возможно, он и догадывался. Он ведь был человек образованный и мог предвидеть будущее гораздо лучше других.

По дороге в кузницу кузнец качал головой.

- Недоброе сулят эти имена, - повторял он. - Хилариус и Феликс. Не нравится мне, как они звучат.

Король, конечно, скоро узнал эту новость. Она молниеносно пронеслась по всему королевству и ничуть не исказилась по пути. Король был сильно задет - по разным причинам, не последняя из которых была финансовая. Он решил сейчас же лично отправиться в Хэм, где происходят такие странные события.

Он прибыл спустя четыре дня после ухода дракона - проехал по мосту на белом коне в сопровождении множества рыцарей, герольдов и целого обоза с багажом. Жители Хэма принарядились и выстроились вдоль улицы, чтобы приветствовать его. Кавалькада остановилась перед церковными воротами. Фермер Джайлс преклонил перед королем колена, его представили, король велел ему подняться и запросто потрепал его по спине. Рыцари сделали вид, будто не заметили такой фамильярности.

Король приказал всем жителям деревни собраться на обширном пастбище Джайлса на берегу реки. Когда все были в сборе (включая и

Гарма, который считал, что происходящее имеет к нему прямое отношение), Август Бонифаций, государь и повелитель, милостиво обратился к ним с речью. Он четко объяснил, что все богатства негодника Хризофилакса принадлежат ему как господину здешних земель. Он ловко обошел вопрос о своих притязаниях на право повелителя горной страны, каковые были весьма спорны, но объявил, что "мы нимало не сомневаемся: все сокровища дракона были украдены у наших предков. Но мы, как всем известно, столь же справедливы, сколь великодушны, и наш любезный вассал Эгидиус будет должным образом вознагражден, и ни один из наших верных подданных в здешних местах не останется без какого-либо знака нашего расположения, начиная священником и кончая самым малым ребенком. Ибо мы очень довольны Хэмом. Здесь, по крайней мере, остались еще смелые и мужественные люди, оправдывающие древнюю славу нашей нации". Рыцари тем временем обсуждали новые фасоны шляп.

Жители кланялись и приседали, униженно благодаря монарха. Но жалели, что сразу не приняли предложения дракона получить по десять фунтов и не держали сделку в секрете. Они прекрасно понимали, что расположение короля не дойдет и до этой суммы. Гарм заметил, что опять не вспомнил о собаках. Доволен был только фермер Джайлс. Он был уверен, что его наградят, и уж, во всяком случае, радовался, что выпутался из этой истории, благополучный конец которой придал ему еще больше веса в глазах соседей.

Король не уехал. Он велел раскинуть шатры на поле фермера Джайлса и ждал четырнадцатого января, стараясь развлекаться, насколько это было возможно в жалкой деревушке вдали от столицы. В первые же три дня королевская свита свела почти весь хлеб, масло, яйца, цыплят, сало и баранину и выпила до капли все запасы старого эля, какие были в деревне. Потом стали ворчать, что их плохо кормят. Король великодушно за все заплатил (квитанциями, которые после можно будет обменять на деньги: ведь он надеялся, что скоро казна сильно пополнится), так что жители Хэма обрадовались, не зная истинного положения казны.

Наступило четырнадцатое января, праздник Хилариуса и Феликса. Все встали очень рано. Рыцари надели кольчуги. Фермер нацепил свою самодельную кольчугу, и рыцари откровенно смеялись над ним, пока не поймали на себе гневный взор короля. Фермер пристегнул Хвостосек - меч вошел в ножны легко, как нож в масло, и остался там. Священник внимательно посмотрел на меч и только головой покачал. Кузнец посмеивался.

Наступил полдень. От волнения никто не мог есть. День тянулся

медленно. Хвостосек по-прежнему не проявил ни малейшего стремления выскочить из ножен. Никто из наблюдателей на холме, даже мальчишки, взобравшиеся на деревья, ни на земле, ни в воздухе не замечал признаков приближения дракона.

Кузнец расхаживал посвистывая, но остальные жители деревни только вечером, когда появились звезды, начали подозревать, что дракон и не думает возвращаться. Но они вспоминали его торжественные клятвы и продолжали надеяться. Когда же наступила полночь и назначенный день истек, разочарованию жителей Хэма не было предела. Зато кузнец торжествовал.

- Я же говорил, - напомнил он. Но они еще ничего не поняли.

- Он все-таки тяжело ранен, - говорили одни.

- Мало мы ему времени дали, - соображали другие. - В горы так тяжело и долго добираться, а ему нужно столько нести. Может, помочь ему надо.

Но миновал следующий день и еще один. Надеяться уже перестали. Король пришел в ярость. Еда и питье кончились, и рыцари начали громко роптать. Им хотелось вернуться к дворцовым развлечениям. Но королю нужны были деньги. Он простился со своими подданными поспешно и холодно и аннулировал половину квитанций. Фермеру Джайлсу он на прощание едва кивнул.

- Мы обратимся к вам позже, - сказал он и уехал со своими рыцарями и герольдами.

Самые простодушные энтузиасты надеялись, что скоро придет письмо от короля, он призовет мастера Эгидиуса к себе и хотя бы посвятит его в рыцари. Через неделю письмо действительно пришло, но совершенно иного содержания. Оно было в трех экземплярах: для Джайлса, для священника, - а третий надлежало вывесить на дверях церкви. Только из экземпляра, предназначенного священнику, можно было извлечь какую-то пользу, потому что написано особым шрифтом, столь же непонятным жителям Хэма, как книжная латынь. Но священник перевел его на простонародный язык и прочел с церковной кафедры. Письмо было не по-королевски коротким и сугубо деловым: король торопился.

"Мы, Август Б. А. Ю. А. П., Государь и пр., Сообщаем, что решили для безопасности нашего королевства и поддержания нашего престола дракона, именующего себя Хризофилаксом Богатым, разыскать и жестоко наказать за его коварные дела и злонамеренные поступки. Рыцарство нашего двора должно незамедлительно вооружиться и быть готовым к свершению этого подвига, как только мастер Эгидиус А. Ю. Агрикола прибудет к оному

двору, поскольку означенный Эгидиус показал себя человеком преданным и способным сражаться с великанами, драконами и прочими врагами, нарушающими королевский покой, мы приказываем ему немедленно отправиться в путь и присоединиться к нашим рыцарям со всей возможной быстротой".

Жители Хэма считали, что это большая честь и следующим шагом будет посвящение в рыцари. Мельник страшно завидовал.

- Высоко поднимется друг Эгидиус, - сказал он. - Надеюсь, он нас не забудет, когда воротится.

- Может он и вовсе не воротится, - сказал кузнец.

- Хватит, заткнись, морда лошадиная, - оборвал Джайлс. - Будь проклята такая честь! Если вернусь, даже общество мельника будет мне приятно. Все-таки меня утешает то, что некоторое время я не увижу вас обоих. - С этими словами он ушел.

Для короля не придумаешь отговорок, как для соседей: овцы, пахота, молоко или вода, - пришлось оседлать серую кобылу и отправиться в путь. Провожал его священник.

- Надеюсь, ты взял крепкую веревку? - спросил он.

- Это зачем? - удивился Джайлс. - Повеситься?

- Никоим образом! Мужайся, мастер Эгидиус! - сказал священник. - Мне кажется, ты можешь положиться на свою удачу. Но все же захвати веревку подлиннее, она тебе пригодится, если меня не обманывает моя проницательность. Ну, прощай же, да смотри возвращайся невредимым!

- Ох! Вернуться и увидеть свой дом и землю совсем запущенными... Будь они прокляты, драконы! - ответил Джайлс. Потом запихнул в седельную сумку большой моток веревки и отправился в путь. Пса он не взял - тот все утро старался не попадаться на глаза. Когда хозяин уехал, Гарм прокрался в дом и выл всю ночь. За это его поколотили, но он продолжал свое.

- Караул, караул! - таял он. - Не увижу я больше моего дорогого хозяина, а ведь он такой был грозный и великолепный! Лучше бы я с ним пошел.

- Заткнись! - прикрикнула жена фермера. - Не то не доживешь до того, чтобы увидеть, вернется ли он.

Вытье собаки услышал кузнец и объявил:

- Дурной знак! - при этом вид у него был довольный.

Прошло много дней - вестей не было.

- Отсутствие вестей - дурные вести (*), - провозгласил кузнец и громко запел.

Фермер Джайлс прибыл ко двору усталый и запыленный, но рыцари в начищенных кольчугах и сверкающих шлемах стояли наготове возле своих коней. Им не нравилось, что король вызвал фермера и включил его в их славные ряды, поэтому они настояли на буквальном выполнении приказа и ждали появления Джайлса, чтобы сразу же выступить в поход. Бедный фермер едва успел проглотить кусок хлеба и запить его вином, как снова оказался в пути. Кобыла его обиделась. К счастью, ее мнение о короле осталось невысказанным: оно было весьма непочтительным.

День клонился к вечеру. "Слишком поздно начинать охоту на дракона", - думал Джайлс. Но много они не проехали. Рыцари не спешили: ведь главное - это выступить в поход. Они ехали шагом нестройными рядами: рыцари, эсквайры, слуги и пони с поклажей. Позади на своей усталой кобыле трясся фермер Джайлс.

Когда наступил вечер, сделали привал и раскинули шатры. О съестных припасах для фермера Джайлса никто не позаботился, пришлось ему одалживать у других. Кобыла негодовала и отреклась от верности династии Августа Бонифация.

На второй день продолжали путь. На третий различили вдали туманные очертания негостеприимных гор. В скором времени оказались там, где полностью не признавалась власть Августа Бонифация. Ехали осторожно, держась ближе друг к другу. На четвертый день добрались до диких холмов, до границы таинственной страны, где, по слухам, обитали сказочные жители. Вдруг ехавший впереди всадник заметил на песке у ручья огромные следы. Позвали фермера.

- Что это, мастер Эгидиус? - спросил у него.

- Драконьи следы, - отвечал он.

- Вперед!

Теперь устремились на запад. Фермер Джайлс оказался во главе колонны, кольца на его кожаной куртке так и звенели. Но это было неважно, потому что рыцари громко болтали и смеялись, а ехавший среди них менестрель пел песни. Припев то и дело громко подхватывали хором. Пение всех приободряло: песня была хорошая, ее сложили в прежние времена, когда битвы случались чаще, чем турниры. Но петь было неблагоразумно: из-за этого все здешние обитатели слышали приближение рыцарей, во всех западных пещерах драконы настораживали уши. Трудно было надеяться застигнуть Хризофилакса спящим.

То ли судьба так захотела, то ли кобыла сама была виновата, но у самого подножия темных гор она охромела. Все как раз начали подъем по каменистой тропе, продвигались с трудом и все с возрастающим

беспокойством. Серая кобыла все больше отставала, спотыкаясь и хромая, вид у нее был такой терпеливый и печальный, что фермер Джайлс наконец счел нужным спешиться и пойти за ней. Вскоре они отстали от самых последних пони, но никто этого не заметил. Рыцари были заняты тем, что обсуждали, кому за кем следовать согласно этикету (*). Иначе они заметили бы, что драконьи следы стали отчетливей и многочисленней. Они и в самом деле попали в места, где частенько бродил Хризофилакс, приземлившись после разминки в воздухе. По обе стороны тропы земля была выжжена и вытоптана. Травы осталось мало, а стебли вереска и дрока торчали черными прутиками среди обширных прогоревших участков земли. Много лет здесь была площадка драконьих игр. Над ней темной стеной нависала гора.

Фермер Джайлс беспокоился о своей кобыле, но радовался предлогу не быть в центре внимания. Не нравилось ему возглавлять кавалькаду в таком мрачном и ненадежном месте. Вскоре он обрадовался еще сильнее и с полным основанием благодарил судьбу (и кобылу): ровно в полдень (а это был праздник Сретенья (*) и седьмой день пути) Хвостосек выскочил из ножен, а дракон - из пещеры.

Дракон ринулся в бой без предупреждения и не соблюдая формальностей. С ревом и свистом обрушился он на людей. Вдалеке от дома он, несмотря на свое высокое происхождение, не проявлял особенной храбрости. Но теперь он был исполнен ярости, потому что сражался у собственных дверей и защищал свои сокровища. Он кружил вокруг горы, точно грозовая туча, шумя подобно ветру, изрыгая красные молнии.

Преппирательство о порядке следования тотчас прекратились. Лошади кинулись в разные стороны, некоторые рыцари с них свалились. Пони с поклажей и слуги бросились бежать: они ведь не думали об этикете.

Тут все окутали клубы дыма, а среди них возник дракон и кинулся на голову кавалькады. Несколько рыцарей погибло, так и не успев произнести традиционный вызов на битву; многие были сброшены на землю. Об остальных позаботились кони, которые повернули и понесли своих хозяев прочь, не спрашивая их согласия. Но многим именно того и хотелось.

А серая кобыла и с места не сдвинулась. Возможно, боялась переломать ноги на каменистой тропе, а может, слишком устала. Она инстинктивно понимала, что дракон представляет гораздо большую опасность, летя позади нее, чем впереди, и что тут может помочь только скорость отличной скаковой лошади. Кроме того, она не забыла, как гналась за Хризофилаксом через поля и ручьи в родных своих местах и как он улегся, точно ручной, на главной улице деревни. Одним словом, она

расставила ноги и зафыркала. Фермер Джайлс страшно побледнел, но остался стоять рядом, так как другого выхода, по-видимому, у него не было.

И вышло так, что дракон, налетев на кавалькаду, увидел прямо перед собой своего старого врага с Хвостосеком в руке. Этого он никак не ожидал. Он кинулся в сторону, как гигантская летучая мышь, и свалился на склоне холма возле дороги. Серая кобыла двинулась к нему, позабыв, что хромает. Приободрившись, фермер Джайлс поспешно вскарабкался в седло.

- Прошу прощения, но не меня ли вы случайно ищете?

- Что вы, нет! - заверил его Хризофилакс. - Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто пролетал мимо.

- Значит мы встретились благодаря счастливой случайности, - сказал Джайлс, - и мне очень приятно, ведь я искал именно вас. Более того, я должен уладить с вами одно неприятное дело, вернее, несколько дел.

Дракон захрапел. Фермер Джайлс поднял руку, чтобы защититься от его горячего дыхания, и тут, Хвостосек, угрожающе сверкнув, подлетел к самому носу дракона.

- Ой! - дракон даже храпеть перестал, он задрожал и попятился, весь огонь в нем мигом остыл. - Надеюсь, вы явились сюда не для того, чтобы убить меня, добрый мастер? - спросил он жалобно.

- Да нет, - сказал фермер. - Разве я это сказал?

Серая кобыла фыркнула.

- В таком случае, что вы тут делаете со всеми этими рыцарями, можно узнать? - спросил Хризофилакс. - Рыцари всегда убивают нас, драконов, если мы сами не успеем их убить.

- Ничего я не делаю, да и они вовсе не со мной, - заверил его Джайлс. - У них теперь кто убит, а кто убежал. Как насчет того, что вы обещали в крещение?

- Это вы о чем же? - удивился дракон.

- Месяц уже просрочили, - напомнил Джайлс, - а долг платежом красен. Вот я и приехал с вас получить. А вам бы надо прощения у меня попросить, что я из-за вас угодил в такую передрагу.

- Простите, - взмолился дракон. - Мне, право, совестно, что вы взяли на себя этот труд.

- На этот раз - все сокровища, до последней монетки, и никаких фокусов, не то я порешу вас на месте и вывешу вашу шкуру на церковном шпиле, чтобы другим неповадно было.

- Это ужасно жестоко, - поежился дракон.

- Уговор дороже денег, - отпарировал Джайлс.

- Нельзя ли мне оставить себе два-три колечка и золотую монетку - мало ли, придется наличными за что-нибудь платить? - спросил дракон.

- Нет уж, ни одной медной пуговицы!

Они торговались и спорили, точно на ярмарке. Но результат был именно таков, как следовало предвидеть: ведь мало кто мог переспорить фермера Джайлса на ярмарке.

Пришлось дракону отправиться в пещеру, так как Джайлс с Хвостосеком наготове не отставал от него ни на шаг. Тропа, которая вилась вокруг горы, была узкой, на ней едва хватало места для двоих. Кобыла с задумчивым видом следовала за ними. После пяти миль тяжелой дороги фермер Джайлс тащился с трудом, пыхтя и отдуваясь, но не сводя глаз с ящера. Наконец они подошли к входу в пещеру на западном склоне горы. Вход был широкий и черный, его загораживали медные двери, которые раскачивались на железных столбах. Очевидно, в былые времена здесь жили сильные и гордые существа, драконы не строят подобных сооружений и не выкапывают пещер, они просто живут, где придется - в гробницах или в сокровищницах древних героев и великанов. Двери этого подземного жилища были массивными, и они остановились в их тени. До сих пор у Хризофилакса не было случая обратиться в бегство, но теперь, у дверей своего дома, он неожиданно прыгнул вперед и собирался исчезнуть в глубине пещеры. Фермер плашмя ударил его мечом.

- Эй! - крикнул он. - Пока ты еще тут, я должен кое-что тебе сказать. Если ты живо не выйдешь и не принесешь что-нибудь стоящее, я войду следом и для начала отрублю тебе хвост.

Лошадь фыркнула, она не могла себе представить, чтобы фермер Джайлс вошел в драконье логово даже за все деньги на земле. Но Хризофилакс с готовностью в это поверил: острый Хвостосек так и сверкал в руке фермера. А может, он говорил правду и лошадь, при всей ее мудрости, просто не поняла, что ее хозяин переменялся. Фермеру Джайлсу везло, и после двух встеч он вообразил, будто его не одолеет ни один дракон. Как бы то ни было, вышел Хризофилакс довольно скоро. Он притащил фунтов двадцать золота и серебра, да еще сундук, полный колец, ожерелий и других драгоценностей.

- Вот! - объявил он.

- Что - вот? - передразнил фермер. - Что ты такое говоришь? Здесь и половины твоего добра нет.

- Конечно! - поспешно согласился дракон, немало обеспокоенный тем, что фермер, кажется, стал сообразительнее со дня их разговора в деревне. - Мне сразу все и не принести.

- Держу пари, и за два раза всего не принести, - согласился Джайлс. - Давай иди, да возвращайся поскорее, не то дам тебе отведать Хвостосека!

- Нет! - испугался дракон и сбегал на этот раз с двойной скоростью. - Вот! - он выложил огромный мешок золота и два сундука с бриллиантами.

- Еще давай! - скомандовал фермер. - Да побольше!

- Тяжело же! - простонал дракон, углубляясь в пещеру.

Теперь уже серая кобыла забеспокоилась. "Интересно, кто всю эту тяжесть потащит домой?" - подумала она и с такой тоской поглядела на мешки и сундуки, что фермер догадался, о чем она загрустила.

- Не горюй, голубушка, - успокоил он ее. - Заставим-ка мы ящера самого доставить поклажу.

- Боже милостивый! - воскликнул дракон, который услышал это, выбираясь из пещеры. На этот раз он принес массу драгоценных камней, сияющих зелеными и синими огнями. - Боже милостивый! Если я все потащу, мне и конец придет! А еще мешок добавить - так и вовсе не управиться, хоть убивайте!

- Значит, еще есть? - спросил фермер.

- Есть, - признался дракон. - Достаточно, чтобы пользоваться уважением. - Он говорил правду, что с ним бывало редко, и это, как выяснилось впоследствии, было весьма благоразумно. - Если вы мне оставите остальное, - добавил он лукаво, - я навеки стану вашим другом. И сам все это снесу к дому вашей милости, а не к королевскому дворцу. И, что еще важнее, помогу вам сохранить сокровища.

Фермер левой рукой вытащил зубочистку и с минуту размышлял.

- По рукам! - воскликнул он, проявляя похвальное благоразумие.

Рыцарь, конечно, стал бы настаивать на целом кладе (*) - и испытал бы на себе его проклятие. Вполне возможно, что если бы фермер Джайлс продолжал спорить и довел бы ящера до отчаяния, тот бился бы до последнего, несмотря на меч. А в этом случае, если бы даже Джайлс уцелел, он вынужден был бы собственными руками уничтожить свою тягловую силу и оставить большую часть сокровищ в горах.

На том и порешили. На случай, если что выйдет неладно, фермер набил драгоценностями карманы и нагрузил лошадь. Остальное, сундуки и ящики, взвалили на спину Хризофилаксу, так что дракон стал похож на фургон с королевской мебелью (*). У него не было ни малейшей возможности улететь, ибо груз был тяжелым, да и крылья ему фермер связал.

- Вот и веревка пригодилась, - сказал Джайлс, с благодарностью вспоминая священника.

Пыхтя и отдуваясь, дракон затрусил вперед, лошадь за ним, а позади всех - фермер с Хвостосеком в руке, так что дракон никаких трюков не выкидывал.

Несмотря на груз, дракон и кобыла теперь двигались быстрее, чем кавалькада на пути в горы. Фермер Джайлс спешил еще и потому, что съестные припасы в его мешке подходили к концу. Да и Хризофилаксу доверять не приходилось после того, как тот нарушил столь торжественные клятвы. Джайлс все раздумывал, как бы ему за ночь не лишиться жизни или богатства. Но еще до наступления ночи ему снова повезло: они догнали несколько слуг и пони, которые заблудились после своего поспешного бегства в диких холмах. В изумлении и страхе те бросились наутек, но Джайлс их окликнул:

- Эй, ребята! Назад! У меня есть для вас работа и хорошее жалованье, пока идет перевозка груза!

И они поступили к нему на службу, довольные, что нашли проводника, и полагая, что теперь они, возможно, станут получать более регулярное жалованье, чем до сих пор. Так и пустились в путь: семь человек, шесть пони, лошадь и дракон. Джайлс, чувствуя себя господином, выпятил грудь. Останавливались как можно реже. На ночь Джайлс привязывал дракона за лапы к четырем кольям, три человека по очереди стерегли его. Но серая кобыла поглядывала, чтобы слуги не учинили какого-нибудь фокуса в свою пользу.

Через три дня они уже были на родной земле. Появление их вызвало ликование, невиданное между морями. В первой же деревне, где они появились, их бесплатно накормили и напоили, а половина молодых местных жителей захотела присоединиться к ним. Джайлс отобрал дюжину молодцов, обещал им хорошее жалованье и купил самых лучших лошадей. Он становился все более сообразительным.

Отдохнув денек, он двинулся дальше в сопровождении нового эскорта. Спутники Джайлса распевали в его честь песни, грубые и неприхотливые, но ему они нравились. Кто его приветствовал, а кто смеялся. Зрелище было и веселое, и удивительное. Вскоре фермер Джайлс свернул к югу, по направлению к дому; к королевскому двору он не пошел и письма не отправил. Но весть о возвращении мастера Эгидиуса распространилась, подобно пожару, идущему с запада, вызывая удивление и смятение. Ведь он явился вслед за приказом короля объявить во всех городах и деревнях траур по случаю гибели рыцарей в горном походе.

Везде, где появлялся Джайлс, о трауре мгновенно забывали, колокола начинали вовсю звонить, а люди толпились на улицах, крича и размахивая

шапками и шарфами. Все они улюлюкали в морду бедному дракону, и тот начал горько сожалеть о заключенной сделке. Для потомка древнего царского рода она оказалась унижительной. Когда прибыли в Хэм, все собаки презрительно на него залаяли. Все, кроме Гарма: он был слишком поглощен хозяином, обратив к Джайлсу и глаза, и уши, и нос. От радости он прямо голову потерял и ходил колесом по всей улице.

В Хэме, разумеется, встретили Джайлса бурной радостью, но приятнее всего ему было видеть, как безуспешно пытается усмехнуться мельник и как изменился в лице кузнец.

- Помяните мое слово, это еще не все! - буркнул кузнец и, не в силах придумать более мрачное пророчество, угрюмо повесил голову.

Фермер Джайлс со свитой, с драконом и с поклажей поднялись на пригорок. В дом пригласили только священника.

Скоро новость дошла до столицы; позабыв официальный траур и собственные дела, люди толпились на улицах. Было много шума и крика.

Король во дворце кусал ногти и выдирал себе бороду. Он так горевал и гневался, так оплакивал свои финансы, был так мрачен, что никто не осмеливался с ним заговорить. Наконец уличный шум достиг его ушей: непохоже было на траур и рыдания.

- Что за шум? - спросил он. - Велите народу отправляться по домам и соблюдать траур, как подобает. Шумят, будто гуси на ярмарке!

- Дракон вернулся, государь, - отвечали ему.

- Как? - изумился король. - Так соберите немедленно рыцарей - вернее, то, что от них осталось!

- В этом нет нужды, государь, - обьяснили ему. - Ведь с ним едет мастер Эгидиус, и при нем дракон совсем ручной и послушный. По крайней мере, так говорят. Новость только что дошла до нас, слухи разные.

- Боже милостивый! - воскликнул король с явным облегчением. - Подумать только, что на послезавтра мы заказали торжественную мессу по случаю гибели этого человека! Отменить ее! А что слышно о наших сокровищах?

- Говорят, их там целая гора, государь, - доложили ему.

- Когда же они придут? - заволновался король. - Ну и славный человек этот Эгидиус - проведите его прямо ко нам, как только явится!

Придворные в нерешительности ничего не отвечали. Наконец один из них набрался храбрости:

- Извините, государь, но мы слышали, что фермер миновал столицу и направился к себе домой. Несомненно, при первой же возможности он должным образом переоденется и поспешит сюда.

- Несомненно, - согласился король. - Но к чему эти переодевания? Какое право он имел пройти мимо не доложившись? Мы очень недовольны.

Первая возможность давно представилась - и прошла, как и многие другие. Фермер Джайлс уже целую неделю жил дома, но так и не написал во дворец ни слова. На десятый день король совсем разъярился:

- Послать за негодем!

И послали. До Хэма был целый день пути в один конец. Через два дня посыльный вернулся и, трепеща, доложил:

- Он не желает ехать, государь!

- Гром и молния! - рассердился король. - Так велите ему явиться в следующий вторник, не то его пожизненно заключат в тюрьму!

- Извините, государь, но он все равно не явится, - доложил несчастный посыльный, возвратившись во вторник.

- Десять тысяч молний! - воскликнул король. - Так отправить его в тюрьму! Сейчас же пошлите людей заковать этого грубияна в цепи! - приказал он слугам, которые попались ему под руку.

- Сколько же людей послать? Там ведь дракон, да Хвостосек, да еще...

- Да еще палки от метелок, да смычки от скрипок! - передразнил король. Затем приказал подать ему белого коня, собрал рыцарей (вернее, то, что от них осталось) и оруженосцев и отправился в путь, кипя от ярости. Народ в удивлении высыпал из домов.

Но фермер теперь был не только героем округи, он уже стал любимцем страны. Народ и не думал приветствовать рыцарей и королевскую свиту на пути их следования, хотя перед самим королем еще снимали шляпы. Но чем ближе он подъезжал к Хэму, тем угрюмее на него глядели; в иных деревнях люди запирались в домах и не выглядывали из окон.

От кипящего гнева король перешел к холодной ярости. Когда он наконец подъехал к реке, за которой лежал Хэм и виднелся дом Джайлса, он совсем помрачнел. Ему захотелось даже сжечь деревню. Но на мосту восседал на своей серой кобыле сам фермер Джайлс и держал в руке Хвостосек. Кроме Гарма, разлегшегося на дороге, никого больше не было видно.

- Доброе утро, государь, - вежливо поздоровался Джайлс, не ожидая, когда к нему обратятся.

Король посмотрел на него холодно и сказал:

- Твои манеры в нашем присутствии оставляют желать лучшего, но это не освобождает тебя от обязанности явиться, когда за тобой посылают.

- И правда, государь, я об этом и не подумал, - ответил Джайлс. - У меня и своих дел по горло, а я на ваше поручение и так столько времени потратил.

- Десять тысяч молний! - закричал король, опять раскаляясь от гнева. - Иди ты к дьяволу вместе со своей наглостью! Раз так, ничего ты не получишь, и благодари бога, если тебя не повесят! А надо бы тебя повесить, если ты не попросишь у нас прощения и не вернешь нам меч!

- Что такое? - переспросил Джайлс. - По-моему, я все уже получил. Нашел - храни, а хранишь - значит, имеешь, так уж у нас говорят. И я думаю, Хвостосеку у меня лучше, чем у ваших слуг. А для чего вам все эти рыцари и свита? Если вы в гости, так добро пожаловать, но тогда хватило бы и поменьше людей. А если меня хотите взять, так вам бы побольше надо.

Король чуть не задохнулся от негодования, а рыцари покраснели и опустили головы. Некоторые оруженосцы заулыбались за спиной у короля.

- Отдавай мой меч! - громко потребовал король, забыв величать себя во множественном числе.

- Отдайте нам вашу корону! - возразил Джайлс. Вот это было требование, такого еще никогда не слышали в Среднем Королевстве.

- Гром и молния! Схватить его и связать! - король разъярился до последней степени. - Да что вы топчетесь? Хватайте его - или убейте на месте!

Оруженосцы выступили вперед.

- Караул! Караул! - залаял Гарм.

Именно в эту минуту дракон вылез из-под моста. Он прятался глубоко в реке, у дальнего берега. Он выдохнул могучую струю пара, потому что выпил немало воды. Образовался густой туман, в котором сверкали только красные глаза дракона.

- Домой, дурни! - загремел он. - Или я разорву вас всех в клочья. В горах уже лежат трупы рыцарей, скоро новые появятся, в реке. Вся королевская конница, вся королевская рать! (*)

Он прыгнул и вонзил коготь в бок белого королевского коня, и тот помчался прочь, как десять тысяч молний, так часто поминаемые королем. Остальные лошади поскакали следом с той же скоростью: кое-кто из них встречался с драконом раньше, и воспоминания эти были не из приятных. Оруженосцы разбежались кто куда, подальше от Хэма.

Белый конь был только слегка поцарапан, но ему не удалось убежать далеко. Король заставил его вернуться: ведь для своей лошади он, по крайней мере, был еще господином, никто не посмел бы сказать, что он

боится хоть одного человека или дракона на свете. Когда он вернулся, туман рассеялся, но рассеялись и рыцари с оруженосцами. Положение изменилось: король оказался один на один со здоровенным фермером, а ведь тот был господином Хвостосека и дракона! Переговоры ни к чему не привели. Фермер Джайлс заупрямился. Он не уступал и не вступал в бой, хотя король неоднократно вызывал его на поединок.

- Нет уж, государь, - отвечал он улыбаясь. - Ступайте-ка домой и успокойтесь. Не хочу вас поранить, но, если вы немедленно не уедете, за дракона я не ручаюсь. Всего хорошего!

Так закончилась битва на Хэмском мосту. Не получил король ни единого пенса и ни слова извинения от фермера Джайлса, который возвысился таким образом в собственных глазах. Более того, с этого дня Среднее Королевство утратило власть над здешними землями. Люди признали Джайлса своим господином. При всех своих титулах король не мог найти ни одного человека, который выступил бы против бунтовщика Эгидиуса, потому что он стал любимцем страны, менестрели пели о нем, и невозможно было запретить все песни, воспевающие его деяния. Самой популярной была баллада из ста насмешливых куплетов о знаменитой встрече на мосту.

Хризофилакс надолго остался в Хэме, к великой выгоде Джайлса: ведь естественно, что человек, владеющий ручным драконом, пользуется большим уважением. С разрешения священника дракона держали в амбаре для хранения церковной десятины (*), и его стерегли двенадцать молодцов. Так возник первый из титулов Джайлса: домиуиДБ де домито Беыреуте, что на простонародном языке означает: господин ручного ящера, сокращенно - просто ручного. Джайлсу воздавали большие почести, но он все еще платил дань королю: шесть бычьих хвостов и пинту пива в день Святого Маттиаса - это была как раз дата встречи на мосту. Однако через некоторое время он заменил "господина" на "графа", - размера его владений было вполне достаточно для этого титула.

Через несколько лет он стал принцем Эгидиусом, выплата дани прекратилась. Джайлс, будучи сказочно богат, выстроил величественный дворец и окружил себя многочисленными оруженосцами. Все они были довольны и веселы, одежда их поражала роскошью. Двенадцать молодцов стали капитанами. У Гарма появился золотой ошейник, и пес до конца своих дней свободно шатался везде, где хотел. Он стал гордым и счастливым псом и презирал других собак, считая, что они должны ему оказывать почести, соответствующие богатству и власти его хозяина. Серая кобыла в мире дожила свои дни, так и не поделившись ни с кем своими

мыслями.

В конце концов, Джайлс, конечно же, стал королем - Малого Королевства. Его короновали под именем Эгидиуса Дракониуса, но чаще называли старым Ящерным Джайлсом. При его дворе в моду вошел простонародный язык, сам король никогда не произносил речей на книжной латыни. Его жена стала весьма величественной королевой и держала под строгим контролем хозяйственные счета. Трудно было перехитрить или обойти королеву Агату, по крайней мере, на это время требовалось немало времени.

Так Джайлс дожил до преклонных лет. Он отрастил седую бороду до колен и завел представительный двор, где заслуги людей часто вознаграждались по достоинству. Им был основан совершенно новый царский орден (*) - орден Ящера, эмблемой его стал дракон, а старшими членами - все те же двенадцать молодцов.

Следует признать, что Джайлс обязан своим возвышением случаю, хотя использовал этот случай с умом. И удача, и ум остались при нем до конца дней, к великой выгоде его друзей и соседей. Он щедро вознаграждал священника, и даже кузнец с мельником получил свою долю, ибо Джайлс мог позволить себе щедрость. Но став королем, он издал суровый закон против любителей дурных предсказаний и сделал помол королевской монополией. Кузнец переменял профессию и стал гробовщиком, зато мельник подобострастно служил короне. Священник сделался епископом и учредил кафедру в Хэмской церкви, которую для этого перестроили.

Нынешние жители бывшего Малого Королевства найдут в этой истории правдивые объяснения, которые и в наше время носят некоторые города и деревни этой местности. Ведь сведущие люди уверяют, что, когда Хэм стал столицей нового королевства, из-за естественной путаницы между прозвищами лорд Хэма и лорд Тэма, т. е. Ручного, город этот стали ошибочно называть Тэмом. А в память о драконе, благодаря которому они прославились и разбогатели, драконарии (рыцари дракона) построили большой дом на расстоянии четырех миль к северо-западу от Тэма, в том самом месте, где Джайлс познакомился с Хризофилаксом. Это место во всем королевстве стало известно как аДса дыасоуаыиа, или, на простонародном языке, Чертог Ящера - в честь короля, господина ящера, и его знамени.

Ландшафт местности с тех пор изменился, королевства образовывались и рассыпались, реки поменяли русла; остались только холмы, но и они разрушаются ветрами и дождями. А название еще сохранилось, хотя теперь, как мне говорили, его исказили и произносят -

Черт Из Ящика, ибо нынешние деревни утратили свою былую гордость. Но в те дни, о которых повествует эта история, место называлось Чертог Ящера и было королевской резиденцией, а над деревьями развевалось знамя с изображением дракона. Дела там шли хорошо и жилось весело, пока Хвостосек был на страже.

Эпилог

Хризофилакс просил отпустить его, да и кормить его оказалось дорого: он продолжал расти, все драконы растут, пока жизнь сохраняется в них. Так что через несколько лет, когда Джайлс надежно укрепил свое положение, он отпустил бедного ящера домой. Расстались они с многочисленными уверениями во взаимном уважении и заключили пакт о ненападении. В глубине своей недоброй души дракон чувствовал самое доброе расположение к Джайлсу, на какое только способен дракон. А тут еще и Хвостосек: дракон легко мог лишиться жизни и клада. У него в пещере, как подозревал Джайлс, сохранилось еще достаточно сокровищ.

Хризофилакс полетел с горы медленно и осторожно, потому что крылья у него сделались неуклюжими от долгого бездействия, а размеры и броня сильно увеличились. Прибыв домой, он первым делом выставил из своей резиденции молодого дракона, который нахально ее захватил в отсутствии Хризофилакса. Говорят, что шум битвы был слышен по всей округе. Когда он с удовлетворением сожрал своего побежденного врага, ему сразу стало легче. Раны бывшего унижения затянулись, и он очень долго проспал. Наконец, внезапно пробудившись, он отправился на поиски того самого огромного и глупого великана, который много лет назад затеял всю эту кутерьму. Дракон высказал ему все, что о нем думает, и бедняга был очень подавлен.

- Так это был мушкетон? - переспросил он и поскреб в затылке. - А я-то думал - это слепни!

Finis,

или

на простонародном языке

КОНЕЦ

КОММЕНТАРИИ

Джон Толкиен
(1892-1973)

Известный ученый-филолог, автор многих научных трудов (в том числе ряда исследований в области сказки), обладатель разнообразных академических наград и почетных званий, Дж. Толкиен является одним из основоположников новой школы сказочников в литературе XX в. Правда, "сказочниками" представителей этой школы, как и самого Толкиена, можно назвать лишь с определенными оговорками. При всем разнообразии художественных произведений писателя, крупнейшим из которых является трилогия "Властелин Колец" (1954-1965), его творчество представляет собой удивительное единство. Воображение писателя творит целый мир, поразительный в своем многообразии и вместе с тем единый; мир фантастический, столь не похожий на мир людей, но в чем-то близкий ему; мир, движимый иными законами и тем не менее основанный на твердых морально-этических нормах. Импульсом для художественного творчества Толкиена послужили его исследования древнеанглийской литературы и увлечение германской и скандинавской мифологией, которые были постоянными источниками его вдохновения.

Первое издание сказки "Фермер Джайлс из Хэма" (Farmer Gilse of Ham) вышло в 1949 г.

Сказка представляет собой псевдогероическое повествование о событиях, связанных с возникновением Малого Королевства. Это остроумная литературная игра, в которой автор добродушно смеется над тем, к чему он с такой серьезностью относится в своей трилогии "Властелин Колец", в своих научных работах и критических трудах. В предисловии автор заявляет о себе как об издателе и переводчике средневековой рукописи "со скудной латыни на язык Соединенного Королевства". Повествование основано не на подлинных документах, а на народных преданиях. Однако существуют и исторические труды, и в предисловии "издатель" рукописи ссылается на факты, из них почерпнутые, якобы с целью определить хронологию описываемых событий. Это прежде всего "История бриттов" Гальфрида Монмутского (1139) - выдающийся памятник средневековой литературы. Большинство исторических сведений и персонажей у Гальфрида носит легендарный характер: это либо плод

фантазии автора, либо (что вполне вероятно, учитывая время создания этого произведения) результат веры в непогрешимость источников, которыми он пользовался.

"Фермер Джайлс из Хэма" - это своеобразный исторический нонсенс, понять и расшифровать который мы сможем лишь в том случае, если разберемся во всех именах и датах, с такой "ученой серьезностью" приводимых Толкиеном.

* * *

С тех пор, как в Британии высадился Брут... - Брут, или Брит, правнук Энея (одного из героев троянской войны), - мифический родоначальник бриттов. Поскольку в средние века этимология носила мифологический характер, название "Британия" возводилось к Бруту: Британия - бритты - Брут.

Разделение на Локрин, Камбр и Альбанак... - Имеется в виду первый раздел Британии, осуществленный сыновьями Брута после его смерти. Следует отметить, что здесь допущена "историческая" (или "лингвистическая") ошибка: раздел произошел не на Локрин, Камбр и Альбанак, а между Локрином, Камбром и Альбанаксом (таковы были имена сыновей Брута). В этом событии видна явная параллель с соответствующим эпизодом священной истории - разделом Земли после всемирного потопа между сыновьями патриарха Ноя: Симом, Хамом и Иафетом. Излишне говорить, что степень подлинности этих исторических фактов примерно одинакова.

Именно так рассказывают историки о времени царствования короля Артура... - Под историками "издатель" нашей рукописи имеет в виду прежде всего Гальфрида Монмутского. Король Артур легендарный король бриттов (Е - Еи вв.), герой кельтских преданий и многих произведений средневековой литературы. Король Артур и его рыцари Круглого Стола являются воплощением идеалов рыцарства. Автор, не сомневаясь в подлинности короля Артура и его государства, делает правление короля Артура своего рода хронологической вехой.

...После царствования короля Коля... - По данным "Истории бриттов" Гальфрида Монмутского, было несколько королей, носивших это имя. Вследствие этого установить, который из них имеется в виду, не представляется возможным.

Семь английских королевств... - Имеются в виду королевства, на

которые распалась держава короля Артура после его смерти в 549 г.

Легенда о Джордже, сыне Джайлса, и о его паже Суоветавридиусе... - Вероятнее всего, существование этой легенды является измышлением автора.

Эгидиус Агенобарбус Юлиус Агрикола... - Что касается имен главного героя нашей истории, как, впрочем, и имен остальных ее участников, то следует обратить внимание не на их количество, а на их "качество". Первое и, следовательно, главное имя наш герой получил в честь святого Эгидиуса (или, в просторечии, Джайлса) - покровителя калек и прокаженных. Второе имя - Агенобарбус - даже не имя, а прозвище, при этом весьма соответствующее внешности Джайлса. "Агенобарбус" в переводе с латинского значит "рыжебородый"; таково было прозвище римского императора Нерона (37-68). Третье имя приводит на память римского императора Юлия Цезаря (102 (или 100) - 44 до н. э.), а четвертое - римского полководца Кнея Юлия Агриколу (37-93), который некоторое время был наместником Британии.

Мушкетон... - Огнестрельное оружие в Европе применили гораздо позже, в 1346 г. Мушкетон же появился лишь в XVII в.

Четверым ученым клирикам из Оксенфорда... - Оксенфорд (от среднеанглийского oxenford - бычий брод). Под "четырьмя учеными клириками" Толкиен имеет в виду издателей "Оксфордского словаря английского языка" (изд. 1933г.) Дж. Мюррея, Г. Брэдли, В. Крэги и К. Аньянса. Именно из этого издания взято объяснение слова "мушкетон".

...К празднику Святого Михаила король направил в Хэм послание... - Поскольку здесь мы впервые встречаемся с точным указанием времени, необходимо обратить внимание читателя на "принцип" датировки описываемых событий. Все упоминаемые события датируются тем "календарным" праздником, в день которого или в непосредственной близости с которым они происходят. Между ними существует глубокая внутренняя связь. Параллель между героем Толкиена и эпизодами его биографии, с одной стороны, и соответствующими персонажами и эпизодами библейских и евангельских преданий, с другой, представляет собой остроумную пародию на "священные" книги христианства.

Праздник святого архангела Михаила отмечается 29 сентября. Джайлс получает королевскую грамоту и меч именно в этот день не случайно. Это явное указание на будущее. Согласно Библии, архангел Михаил возглавлял воинство ангелов в борьбе с драконами и его приспешниками. С другой стороны, незадолго до событий, описываемых в нашей рукописи, некий отважный молодой рыцарь победил жестокого дракона у подножия горы св.

Михаила в Корнуэле. Стоит обратить внимание еще на одну деталь. Внимательный читатель, следя за развитием действия с определенного временного расстояния, непременно заметит, что Джайлс, доблестно изгнав великана из своих владений, предвосхитил подвиг короля Артура (который, как мы знаем, жил после него). Правда, повелитель бриттов убьет великана на горе св. Михаила; но это уже тонкости, да и Джайлс еще не король.

Август Бонифаций Амброзий Аурелиан, благочестивый и достоуважаемый повелитель, государь и Базилевс... - Перечень имен короля Среднего Королевства представляет собой изысканную смесь имен римских императоров (Август, Аурелиан), римских пап и святых (Бонифаций, Амброзий), что в сочетании с несовместимостью титулов, от римского императора до византийского базилевса, производит весьма комическое впечатление.

Еще остался обычай подавать королю драконий хвост на рождественский обед... - Намек на некоторые эпизоды в романах Артуровского цикла (см. Комментарий к с. 493 (1)). Король Артур всегда открывал рождественский пир только после того, как выслушает рассказ о каком-нибудь подвиге.

Предполагалось, что в день Святого Николая он отправлялся на охоту... - Согласно преданию, Святой Николай - покровитель школяров, моряков, девственников и воров; его праздник отмечается 6 декабря. Это очередная шутка автора, который, отправляя рыцаря на охоту в день Святого Николая, как бы препоручает его покровительству этого святого. Нетрудно догадаться, в какую категорию "покровительствуемых" попадает рыцарь.

Хризофилакс Дайвз... - Дракон, играющий в этой истории далеко не последнюю роль, наделен только двумя именами, однако они достаточно полно характеризуют их обладателя. Хризофилакс (греч. #####) можно перевести как "златолюб". Дайвз (от лат. #####) означает "богатый, роскошный, многообещающий, красноречивый". Соответствующие эпизоды комментируемого произведения подтверждают правомерность любого из этих прочтений.

...На день Святого Джона был назначен большой турнир... - Здесь имеется в виду день Святого Иоанна Евангелиста, отмечаемый 27 декабря. Очевидна ирония автора: ведь турнир по своей сущности противоречит духу евангельских заповедей, в донесение которых до христиан Святой Иоанн внес свою немалую лепту.

Кварцетум... - Название местности, происходит от латинского слова ##### (дуб); Оукли - от англ. Oak (дуб).

Унциальное письмо... - Особый тип почерка средневековых греческих

и латинских рукописей, характеризующийся крупными ровными буквами, без острых углов и ломаных линий.

Эпиграфические знаки - Очередной анахронизм Толкиена. Эпиграфика - наука, изучающая древние и средневековые надписи на камне, кости, дереве, металле, - возникла только в XIX в.

Кодимордакс... - В те далекие времена были и другие мечи, имеющие собственные имена. Среди них меч короля Артура Колидибур и меч Роланда, племянника императора Карла Великого (742 - 814), Дюрендаль. Колидибур и Дюрендаль принадлежали героям; Хвостосек же делал героем того, в чьих руках находился. Кроме того, сфера его применения была, вероятно, ограниченной: ведь мы не знаем, как бы он себя проявил, случись ему сразиться не с драконом, а с каким-нибудь другим противником.

Фабрициус Кунктатор... - Имеется в виду римский полководец Фабий Кунктатор (Медлитель), возглавлявший римскую армию в сражениях с войсками Ганнибала во время второй пунической войны (218 - 201 до н. э.) и своей медлительностью и осторожностью добившийся победы над врагом. Чтобы избежать полного совпадения, автор заменяет Фабия на Фабрициуса, то есть на имя, принадлежавшее ряду римских сенаторов и полководцев, которые не отличались ни медлительностью, ни осторожностью.

...Нашивали стальные кольца на кожаную рубаху... - Этот "рецепт" подсказан римским комедиографом Плавтом (середина III в. до н. э.) в соответствующем эпизоде его комедии "Хвастливый воин".

Двенадцатая ночь... - В Англии так называют крещенский вечер двенадцатый вечер после рождества (25 декабря), который посвящают традиционным развлечениям и обрядам.

Крещение... - Отмечается 6 января; согласно евангельскому преданию, в этот день Христос принял крещение водой от Иоанна крестителя и явился народу (отсюда второе название этого праздника - богоявление). В контексте настоящего повествования и эту дату можно назвать "говорящей": ведь встреча с драконом настоящее боевое "крещение" джайлса, а его возвращение - "явление" своим односельчанам в совершенно новом качестве.

Кентерберийские колокола... - Колокола Кентерберийского собора, славившиеся чистотой и силой звучания. Собор строился с XI по XV в.

...А женщинам - бриллианты... - Анахронизм: в Европе алмазы стали высоко цениться лишь на исходе средневековья, а название "бриллиант" появилось лишь в XVII в., после изобретения бриллиантовой огранки.

...Что вернется... к празднику Святого Хилариуса и Святого Феликса...

- Этот праздник - измышление автора, поскольку день Святого Хилариуса приходится на 13 января, а Святого Феликса - на 25 февраля. Объяснение мы находим в близости значений имен святых: Хилариус (от греч. НХсаби) - веселый, радостный; Феликс (от лат. Felix) - счастливый. Совместный праздник двух святых понадобился автору для "усиления" радостного настроения.

Отсутствие вестей - дурные вести... - Переиначивание английской пословицы "no news - good news" ("отсутствие вестей добрые вести").

Рыцари были заняты тем, что обсуждали, кому за кем следовать согласно этикету... - В данном случае спор идет о месте подальше от головы колонны и, следовательно, от опасности. Здесь очевидна своего рода "обратная" аллюзия на романы Артуровского цикла. Рыцари короля Артура (до учреждения Круглого Стола, символизирующего равенство) спорили между собой за место за столом по степени первенства на поле брани и в делах чести.

Сретенье... - Праздник Сретенья (2 февраля) был у англичан днем сбора податей и выплаты долгов.

Рыцарь, конечно, стал бы настаивать на целом кладе... - Аллюзия на соответствующий эпизод в сагах о вельсунгах.

...Фургон с королевской мебелью... - Вплоть до XVII века при переездах королевского двора его сопровождали фургоны с мебелью, так как на все королевские замки мебели не хватало.

Вся королевская конница, вся королевская рать... - Тирада Хризофилакса представляет собой две строчки из популярного английского детского стихотворения "Шалтай-Болтай".

Церковная десятина... - Десятая часть урожая или другого дохода, взимаемая католической церковью с населения. Упразднена в XVII в.

Им был основан совершенно новый рыцарский орден... - Ироническая аллюзия на аналогичное нововведение короля Артура - орден рыцарей Круглого Стола.